

Черная кошка

Виктор Пронин

Божья кара

«ЭКСМО»

Пронин В. А.

Божья кара / В. А. Пронин — «Эксмо», — (Черная кошка)

ISBN 978-5-699-34349-2

Коктебель, в разгаре пляжный сезон... Но приехал Андрей в поселок творческой интеллигенции по грустному поводу – от рук неизвестного маньяка погибла его маленькая Леночка. Когда-то, восемь лет назад, у Андрея был курортный роман со здешней красавицей Светланой. В результате чего родилась дочка. И вот теперь ее не стало... Глядя на бездействие милиции, Андрей решает выступить в роли частного сыщика. Он уверен, что найдет убийцу и покарает его своим собственным судом. Для него это – дело чести.

ISBN 978-5-699-34349-2

© Пронин В. А.

© Эксмо

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Виктор Пронин

Божья кара

*О, эта подлая постель,
О, этот злобный Коктебель,
О, будь ты проклят и забыт!
О, счастье – дождик моросит...*

* * *

Ну что, Витя, поехали...

Мой друг, писатель Леонид Бабанин, прошлым летом прошел пешком от Ханты-Мансийска до Москвы. Даже если его путь всего лишь проследить по карте, расстояние вызывает страх и ужас. Примерно такое же состояние испытываю сейчас и я, находясь в самом начале романа, – мне предстоит преодолеть трехсотую страницу, а там уж как бог даст. Бабанин шел два месяца. У меня примерно столько же времени. Ему было легче – его не одолевали соблазны, а у меня рядом, в одном километре, гудит, грохочет, клокочет Москва. Но я не могу больше носить в себе историю, которую собираюсь рассказать, такое никто не сможет носить в себе слишком долго. Да и зачем, если есть бумага и два месяца свободного времени... (Сразу признаюсь... Не уложился я в два месяца и в четыре тоже. Полгода моей единственной жизни сожрали эти страницы – все дождливое лето 2008 года, да еще прихватили конец весны и начало осени.)

Коктебель... Опять Коктебель...

Когда-то я воспел его в «Брызгах шампанского» с восторгом искренним и неудержимым. Но все меняется. Строчки в начале этой страницы передают нынешнее мое к нему отношение. Возможно, когда-нибудь я снова его полюблю, любовью легкой и необязательной, но чуть попозже, чуть попозже...

Поезд из Днепропетровска в Феодосию приходил на рассвете, чуть ли не в четыре часа утра, но было уже светло, и утренняя сумеречность быстро исчезала под напором поднимающегося из-за моря розового сияния. Свежий, ночной еще воздух трепал вагонные шторы, сонная проводница незлобиво ворчала на бестолковых пассажиров, за окном мелькали редкие алые маки, голубоватая крымская полынь чуть колыхалась на слабом ветерке.

Все это было знакомо, все радостно волновало и обещало скорую встречу с морем. Недолго постояли у Владиславовки, еще меньше у Айвазовской и – впереди осталась только Феодосия. Сквозь мутные, годами немые стекла вагонов можно было рассмотреть еще пустынные пляжи, потом потянулась набережная, утыканная разноцветными киосками. И, наконец, состав, скрежеща и содрогаясь всем своим ржавым железным телом, начал тормозить.

Приехали.

Феодосия.

«А вы не ждали нас, а мы приперлися», – пел я когда-то в давние наши глупые и веселые времена. – «Многих уж ребят с тех пор не стало, многие подались кто куда, времена счастливые настали – снова появились господа... Но исчезли наши переулки, наши подворотни и дворы, не услышишь больше старой „Мурки“, подрастают юные воры...»

Такие вот теперь песенки пошли...

Авось и других дождемся.

Водитель, видимо, узнал Андрея, поздоровался, подхватил его сумку и, не спрашивая согласия, поволок ее к машине. Андрей не возражал. В Коктебеле его многие знали.

– Как погода? – спросил он, когда уже выехали за город.
– Ну, ты даешь! – рассмеялся Саша, только сейчас Андрей вспомнил, что водителя звали Сашей. – Какая погода может быть в июле в Коктебеле! Снег валит каждую ночь! Но к утру тает.

- А вода?
- Двадцать три. Сойдет?
- Стерплю.

Саша долго молчал, обогнал машину, еще одну, на горизонте показались острые вершины Карадага. Улучив момент, он быстро взглянул на Андрея:

- Докладываю... У Наташи все в порядке. Весела и хороша собой.
- Пользуется успехом?
- Как никогда!

– Дай бог, – сказал Андрей спокойно. Почти спокойно. – К ней не пробиться?
– Можно, но не стоит. Там такие качки... В Коктебель боксеры на сборы приехали... И тяжеловесы. Юношеская сборная Украины.

- Круто... А Света?
- А у Светы плохо.
- Болеет?
- Хуже.
- Но хоть жива? – спросил Андрей, уже не зная, что думать.

– Еле-еле душа в теле.
– Говори уже наконец!
– Понимаешь... Андрюша... Дочка у нее... Погибла дочка. Леночка... Месяца два назад.
– Утонула?
– Хуже... Ты вот что... Загляни к Свете... Она сейчас маленько не в себе... Что сможет, сама расскажет. Не все она рассказывает, не всем... Ты обязательно к ней зайди... Это не мое, конечно, дело... Но Коктебель – поселок небольшой...

- Саша, – простонал Андрей, – не тяни!
- Видишь ли... В поселке поговаривают... Леночка-то... На тебя похожа. Была.
- Так, – протянул Андрей озадаченно. – Так... На одного меня?
- Андрюша... Я все понимаю. Коктебель – поселок не только маленький, но и блудливый.

Как сказал наш поэт Жора Мельник... «Я проснулся – нет вина, и к тому ж в чужой постели... Значит, точно с будуна, значит, точно в Коктебеле».

– Как поживает Жора?
– Хорошо поживает. Выпустил книгу... «Души нетрезвые порывы». Пользуется бешеным успехом у юных красавиц.

- Жора или книга?
- Оба! – хмыкнул водитель.
- Света живет там же?
- А где же ей еще жить?
- Тоже верно...

– К ней едем? – осторожно спросил Саша.
– Да боязно спозаранку... После твоих рассказов... Зайду, конечно. Попозже. Еще застану там кого-нибудь... Из юношеской сборной.

- Ей сейчас не до этого... Она знает, что ты приезжаешь?
- Нет. Только Жора.
- Что ж он не встретил?

– Да ладно... Чего мужика дергать в такую рань. Ему пришлось бы среди ночи в Феодосию мчаться... Он тоже все знает?

- Все знают.
- Почему же он мне ничего не сказал? Мы перезванивались...
- Стеснялся.
- Так что там с Леночкой? Задушили, зарезали, изнасиловали?
- Всего понемножку. Куда едем?
- В Дом творчества.
- Там сейчас никого нет.
- Вахтер-то найдется... Муха на месте?
- При исполнении. Муха всегда на посту.

Машина, не снижая скорости, проехала в громадную ажурную арку с надписью, которую можно было прочитать за километр, – «Коктебель – страна коньяков».

- Соответствует? – спросил Андрей, кивнув на арку.
- Еще и как! Убедишься сегодня же...

Когда-то, кажется, совсем недавно коктебельский Дом творчества писателей был едва ли не самым соблазнительным местом в стране. Сюда стремились не только те, чьи портреты украшали школьные учебники по литературе, но и юные дарования, жаждущие увидеть классиков хотя бы издали, а если повезет, то и прочитать им свои незрелые стихи. Сейчас весь роскошный парк перегороден железными заборами на участки, у каждого уже свой хозяин, кто-то уже вырыл траншею под фундамент, вырубил акации и кипарисы, завез бетонные блоки, плиты, перемычки – новая жизнь наступает решительно и необратимо.

Да и классики куда-то все подевались, не видно их последнее время ни на коктебельской набережной, ни в нижнем буфете Дома литераторов в Москве, ни на книжных ярмарках – замкнулись, в себя ушли, в угрюмом молчании переживают счастливые перемены в стране.

Административный корпус стоял темный, с запертыми дверями, которые вдобавок были еще укреплены кованой решеткой. Андрей постучал, в глубине здания возникло какое-то движение, и он увидел знакомое сонное лицо Веры – бывшей хозяйки столовой Дома творчества.

- О, какие люди! – радостно закричала она и принялась отмыкать замки. – К нам?
- Как получится... Если возьмете.
- У нас нынче дорого.
- Да слышал... Поставили телевизоры и увеличили плату в десять раз.
- Как и везде, Андрей Николаевич. На диване постелить?
- Давай на диване.

– Часа три еще можно поспать. Может, у меня и поселишься? Совсем рядом, за забором... Условия даже лучше, чем здесь...

- Как получится, – повторил Андрей.

Вера погасила свет в вестибюле и ушла в свою каморку. Андрей, не раздеваясь, лег поверх одеяла и, закинув руки за голову, попытался разобраться во всем, что рассказал Саша.

Света... Что-то у них с ней получалось, что-то не получалось... Коктебель действительно небольшой поселок, и без внимания она здесь не оставалась ни летом при наплыве отдыхающих, ни зимой при саднящей тишине, пустоте, когда от безлюдья можно было тронуться умом. В любимчиках Андрей у нее давно уже не числился, и теперь, в последние годы, ему вполне хватало вечерней беседы с тем же Жорой Мельником или со Славой Ложко – на голубой скамейке у набережной они частенько распивали бутылку-вторую холодного алиготе, обсуждая подробности быстротекущей жизни.

Леночка... Ей было лет десять... Поэтому если она и была похожа на Андрея, то по чистой случайности. Десять лет назад его здесь не было, десять лет назад он ездил в Пицунду. Там и лето длиннее, и море чище... А песок, какой там песок! А какую чачу делали местные виноделы... Коктебельский коньяк не сравнится – он и жестче, да хмель какой-то нерадостный. А от чачи шел дух «Изабеллы», «Лидии»... Виноград нашей молодости, ребята. И хмель чача

давала легкий, веселый, беззаботный! Хотя вполне допускаю, что и легкость, и беззаботность давала не столько чача, сколько те еще наши годы.

Повздыхав, поворочавшись на диване, Андрей в конце концов все-таки заснул. Не поверил он водителю. И в те ужасы, которые сам же и расписал, тоже не поверил. У Коктебеля были, конечно, недостатки – мог здесь человек и загулять, и запить, мог удариться в другие не менее соблазнительные пороки, но чтобы вот так... «задушили, зарезали, изнасиловали», как Андрей предположил в глупом каком-то кураже... Нет, невозможно, опять же Света местная, а местных здесь стараются не трогать, разве что они сами пожелают оторваться с приезжей компанией. На что уж Наташа любит распоясаться, но и ее чаще можно увидеть с местными. С ними можно и покурить чего-нибудь запретного, и выпить лишнего, не опасаясь, что бросят тебя где-нибудь в состоянии беспомощном и недостойном.

Проснулся Андрей уже в девятом часу. Солнце ломилось в окна с такой силой, что, кажется, под его лучами прогибались стекла, за окнами раздавались голоса, гул машин – теперь уже и машинам позволено было ездить по заветным аллеям парка. Вера еще спала, и он не стал ее будить. Сложив белье в стопку, расположив сверху подушку и распрямив, одернув все четыре уголка, Андрей подхватил свою сумку и вышел в парк.

Сквозь зелень деревьев пробивались солнечные зайчики, загорелые красавицы стайками торопились по центральной аллее к морю, знакомый вахтер Муха у железных ворот приветствовал его, как всегда, радостно и хмельно.

– Денег у тебя одолжу потом, – таинственно прошептал Муха. – А пока обживайся.

– Договорились, – ответил Андрей.

Все в это утро было прекрасным, но не покидало Андрея не то дурное предчувствие, не то отголоски разговора с водителем, не то собственные неосторожные слова, выскочившие как бы сами по себе, как бы даже без его участия. Знал он, не впервой, что подобное состояние не бывает на пустом месте, не бывает зряшным. Что-то все-таки случилось со Светой, что-то громоздкое, тяжелое и неприятное ожидало его на пятом этаже дома в Долинном переулке.

Андрей взял в киоске коньяк, бутылку пива и расположился на скамейке лицом к солнцу. Пиво было холодное, киоскерша Надя поздравила его с прибытием, Саша от своей машины помахал рукой, напоминая, что он на месте и в случае чего всегда готов куда угодно. Андрей тоже взмахом руки ответил, что все понял, что водителя и необыкновенное его мастерство помнит, и в случае чего только к нему и ни к кому больше...

Коктебель узнавал его, приветствовал в первое же утро и готов был принять в свои объятия. Но в душе продолжало что-то ныть и жалобно поскуливать. Не выдержав, Андрей бросил в железную урну бутылку с остатками пива, набросил ремень сумки на плечо и, не останавливаясь, зашагал в сторону рынка, к Долинному переулку. Не зря он тянул время, не решаясь появиться у Светы до девяти часов – опасался застать у нее ночного ухажера, как это уже бывало.

Коктебель – куда деваться.

По ступенькам Андрей поднимался медленно, чтобы не запыхаться к пятому этажу. На площадке постоял некоторое время и наконец, решился позвонить.

Дверь открылась тут же – на пороге стояла Света.

– А, это ты, – проговорила она без выражения и, пропустив в коридор, закрыла за его спиной дверь, задвинула щеколду замка. – Не разувайся, – сказала она, увидев, что он наклонился к босоножкам.

– А может, все-таки... – начал было Андрей, но Света не дослушала.

– Как хочешь. – Она первой прошла на кухню, села спиной к окну, забросила ногу на ногу и закурила. – Присаживайся. Выпить есть?

– Коньяк.

– Давай по глоточку.

Что-то в Свете озадачивало Андрея. Он попытался понять, взглянул на нее внимательней. Похудела, осунулась. Ногти не в порядке. Домашний халат, а под ним, похоже, ничего. Загар на груди сплошной. Значит, с нудистами загорает, как обычно. У блондинок часто волосы у корней темные – у Светы этого никогда не было, нет и сейчас. И глаза... В глазах у нее вроде затаилась та темная громоздкость, которая привиделась ему, когда он лежал на диване в вестибюле Дома творчества.

– Ну что? – спросила Света. – Изменилась?

– Немного есть.

– Знаю. – Она раздавила окурок в переполненном блюде, взяла у Андрея бутылку, одним движением свинтила пробку и плеснула в две чашки, стоявшие на столе. – Извини, не хочется возиться с рюмками. Я помню твою привычку – протирать рюмки до хруста... Попозже, ладно? Будем живы. – Она глухо ткнулась чашкой в чашку Андрея, выпила коньяк одним глотком и снова закурила. – Как поживаешь?

– Поживаю, – Андрей повертел ладонью в воздухе. – По-разному. Мне уже успели сказать... У тебя что-то случилось?

– Это тебе так сказали? У меня что-то случилось?

– Водитель по дороге... Саша, ты его знаешь...

– И что же он сказал?

– Да ничего толком... Сказал, что ты сама расскажешь... Если захочешь.

– Правильно сказал... Лену убили. Задушили, зарезали, изнасиловали.

Андрей вздрогнул, услышав слова, которые сам недавно произнес. Не зная, что ответить, наполнил чашки. Отставил бутылку, поднял свою чашку, Света тут же взяла свою.

– Давай, Андрюша... Я могу разговаривать только после двухсот грамм коньяка. Будем живы. Хорошо, что ты зашел... Мне Жора сказал, что ты приедешь... У него книжка вышла... Слышал? Он тебе подарит... Всем дарит.

На этот раз Света выпила медленно, осторожно поставила чашку на стол и откинулась на спинку продавленного пляжного кресла.

– Когда это случилось? – спросил Андрей.

– Днем. Я отлучилась в Феodosию. Часа на три.

– Где?

– Дома. Здесь.

– А как он вошел? Лена впустила?

– Нет... Он ее впустил.

– Так...

Андрей работал журналистом, писал очерки на криминальные темы – следственные, судебные, адвокатские. Он знал взаимоотношения судьи и прокурора, адвоката и подследственного, следователя и оперативного работника. Были у него в прошлом заметные подвиги – как-то удалось снять областного прокурора, понизить в должности министра, нескольких человек вытащил из-за колючей проволоки, и это получалось, хотя и нечасто. Пусть нынешние, вроде бы при свободе, без цензуры, попробуют добиться чего-нибудь похожего. Впрочем, они и не стремятся к этому. У них другие заботы, да и журналистика нынче другая, другие цели – личные, мягко выражаясь.

За краткими ответами Светы ему открывалось гораздо больше, чем она могла или хотела сказать. Умел он вести подобные расспросы и знал – главное, не пережать, не показать излишнего своего интереса, не проявить своего отношения к убийству. Вопросы должны быть простенькими, не беда, если они покажутся глуповатыми, за ними – искренность и потрясение.

– Значит, он пришел в квартиру раньше Лены? – Андрей повторял вопросы, на которые уже получил ответы – Света говорила нечто такое, что трудно было понять с полуслова.

– Ты, Андрюшенька, стал на удивление сообразительным, – кривовато усмехнулась Света.

– Стараюсь.

– Да, он пришел в квартиру раньше Лены и дожидался ее уже здесь.

– А как вошел?

– Через дверь.

– У него был ключ?

– Да.

– Где же он его раздобыл? Украл? Нашел? Снял слепок?

– Все проще, Андрей... Я сама ему дала.

– Ключ? – не удержался от уточнения Андрей.

– И кое-что еще... Рассказать подробнее?

– В другой раз. Его взяли?

– Нет.

– Успел сбежать?

– Нет. Он в Коктебеле. Загорает, пьет коньяк, знакомится с девушками... Прекрасно себя чувствует. Здоров, весел, слегка пьян.

– Но убил Лену он?

– И все остальное с ней проделал тоже он.

– А что еще он с ней проделал... Кроме того, что убил? – Андрей чувствовал, что вопросы задает действительно дурацкие, но других у него не было.

Все, что говорила Света, выходило за рамки здравого смысла. Она сама дала убийце ключ, уехала на три часа в Феодосию, убийца дождался ребенка, изнасиловал, убил и благополучно ушел... Андрей молча взял со стола бутылку, снова наполнил чашки коньяком и, не дожидаясь, когда Света возьмет свою чашку, выпил.

А Света поднялась, прошла в комнату и тут же вернулась.

– Посмотри, – сказала она, протягивая снимок.

Андрей легко взял фотографию, всмотрелся и тут же зажмурил глаза. Не закрыл, не прикрыл, а именно зажмурил, словно опасался, что изображение просочится сквозь неплотно сомкнутые веки. Прошло какое-то время, пока он решился снова взглянуть на снимок. Видимо, его сделали уже в морге. Глаза девочки были приоткрыты, и она смотрела прямо на Андрея. И даже легкая улыбка, казалось, чуть тронула ее губы. Но это был мертвый взгляд, и улыбка мертвая. Но ужаснуло Андрея другое в снимке – все тело было покрыто ранами от ножа. Убийца, видимо, потерял самообладание и бил куда попадал.

– Двадцать шесть ударов ножом, – негромко проговорила Света.

– Многовато, – некстати проговорил Андрей.

– Да уж куда больше. – Света не заметила странного замечания Андрея.

– Это сколько же ей было... Десять лет?

– Восемь.

– Подожди... Ты же говорила, что ей десять! Ты не один раз мне говорила, что ей десять лет, а в школе она отстает на два класса по болезни... Ты же сама мне говорила!

– Врала, – усмехнулась Света. – Чтобы успокоить тебя... Уж больно ты переживал, все добивался от меня, сколько ей лет... Вот я и сказала, что десять. И у тебя сразу все вопросы отпали, поскольку десять лет назад мы с тобой еще не были знакомы. И снова у нас мир, дружба и даже что-то вроде любви, да, Андрюшенька?

– А Лена...

– Она все знала. Дети чувствуют. Ей и слова-то мои были не нужны. Как-то прибегает ко мне работу, я тут недалеко в магазин на зиму устроилась продавцом... Так вот, прибегает,

счастливая вся, глаза сияют, даже шапочку не успела надеть – папа звонил! Это ты как-то среди зимы вспомнил обо мне...

– То-то мне Саша сегодня в машине намекнул... На тебя, дескать, Лена была похожа.

– Да что там Саша! Весь Коктебель об этом судачит! Но теперь-то тебе нечего бояться, никто на шею не сядет!

– Лучше бы уж села. – Андрей осторожно положил снимок на стол изображением книзу.

– Эти бы слова, да чуть пораньше, – тихо проговорила Света. – Я этот снимок каждый вечер под подушку кладу... И знаешь, к утру раны у нее на теле меньше становятся. Представляешь, затягиваются. Когда мне в милиции этот снимок вручили, раны были куда больше... Не то что сейчас... И глаза у нее на снимке открываются все больше, улыбка появилась... Слабенькая такая улыбочка, но все-таки... – Света взяла снимок и, склонив голову к плечу, еще раз всмотрелась в него. – Надо же, улыбается. У нее раны ведь совсем затянутся, да? – Света доверчиво посмотрела на Андрея, словно ожидая, что он подтвердит ее слова.

– Ладно, – сказал он. – Разберемся. А почему милиция его не взяла?

– Они не знают, кто это сделал.

– Ты не сказала?

– Нет.

– Почему?

– Так надо.

– Ты не хочешь, чтобы его наказали?

– Ты что?! Конечно, хочу!

– Не понял?

– Я не хочу, чтобы его наказала милиция, не хочу, чтобы был суд, чтобы все выясняли, выпрашивали, уточняли подробности, куда он вначале ударил, куда ударил потом, изнасиловал он ее сперва или задушил... Не хочу. Ни милиции, ни суда, ни приговора не хочу.

– Тогда я сам с ним разберусь.

– Нет, не надо.

– Так. – Андрей посмотрел на бутылку, в которой еще оставался коньяк, но наливать не стал. Разговор опять оказался за пределами здравого смысла, Света, похоже, поплыла, и психиатр ей бы не помешал.

– Думаешь, умом тронулась? – Она усмехнулась. – Нет, – захмелев, Света медленно поводила указательным пальцем из стороны в сторону. – Я не хочу никакого правосудия, никакой людской справедливости. Я хочу божьей кары. Бог не может такое простить. Вот он пусть его и накажет. Как сочтет нужным. И как бы он ни поступил, я буду согласна.

Андрей помолчал, окинул взглядом кухню, взгляд его снова уперся в бутылку, на этот раз он не стал бороться с собой и разлил остатки коньяка.

– Знаешь, есть пословица... Бог, конечно, все видит, да не скоро скажет.

– Я подожду. – Света, не чокаясь, выпила свой коньяк. – А пока... Пока я буду наказывать его свободой. Ты где остановился?

– Вера приглашала.

– Правильно. У меня не надо. Я сейчас плохая, как ты успел заметить, – и легкая, почти неуловимая вульгаринка прозвучала в ее тоне. – А ключи вот возьми на всякий случай.

– Это те самые ключи?

– Да. Он впопыхах оставил их в двери. Жизнь прижмет – заходи в любое время.

– Спасибо. – Андрей подбросил ключи на ладони. – Не с ними ли я провел прошлое лето?

– Они самые. Не бойся, они уже незаразные – я их неделю в водке отмачивала.

– А я случайно не наткнусь здесь на кого-нибудь?

– Не наткнешься, Андрюшенька. Это я тебе обещаю.

– Как зовут этого придурка?

- Не скажу.
- Я его знаю?
- Нет, он из новеньких.
- Телефон Веры помнишь?
- Что за глупые вопросы!
- Мне надо идти... Вот номер моего мобильного. – Андрей положил на стол визитку. –

Извини. Я загляну. Ни пуха.

- К черту!

Андрей больше не мог находиться в этой квартире, не мог вести почти сумасшедший разговор и, уходя, попросту сбежал, а если уж точнее – спасался. Подхватив свою сумку, он набросил ремень на плечо, у двери обернулся. Что-то надо было сказать, какие-то слова произнести, посочувствовать... Но нет, не нашлось у него слов. Может, и к лучшему, подумал он, спускаясь по лестнице. Слова, сказанные в такие вот печальные минуты, имеют обыкновение выныривать из прошлого в самые неподходящие моменты и вмешиваться уже в ту жизнь, в события, которые случатся через годы. И не всегда вмешательство давних случайных слов уместно, часто оно просто разрушительно. Лучше уж без них обойтись. Скажу что-нибудь попозже, решил Андрей.

«Значит, говоришь, затягиваются раны, – мысленно обратился он к Свете. – И глазки открываются, и улыбка все шире... Если так дальше пойдет, спрыгнет она однажды с каменного стола в море и пойдет бродить по коктебельским набережным... Хотя куда это меня занесло... Ведь давно уже похоронили девочку».

Должность у Веры в Доме творчества была не слишком высокой – заведующая столовой. Но дом она построила хороший, трехэтажный, почти на территории парка. До моря можно было пройти минут за пять. Поэтому летом комнаты в доме не пустовали, несмотря на цену. Серьезная цена была у Веры, как, впрочем, и у всех, кто жил весь год на эти летние заработки.

Андрею досталась комната на третьем этаже – маленькая, но со всеми удобствами и с совершенно потрясающим видом на Карадаг. Один этот вид, наверно, стоил половину общей цены. Не задерживаясь, Андрей бросил сумку в угол, запер дверь и спустился вниз.

– Глоточек? – окликнула его Вера, женщина молодая, жизнерадостная и прекрасно понимающая, чего хочется постояльцу, который первый раз спустился во двор.

Андрей молча подошел к небольшому столику в тени акаций, сел на табуретку, подпер руками подбородок и в упор посмотрел на хозяйку.

- А в прошлом году не спрашивала, – ворчливо проговорил он.

– Я и сейчас не спрашиваю... Я напоминаю. – Из большой квадратной бутылки она наполнила стакан густым темно-красным вином.

Андрей залпом отпил полстакана, вытер ладонью губы, улыбнулся.

- Кагор?

– Он самый.

– Вот только сейчас понял, что я в Коктебеле.

– У тебя еще будет возможность повторить эти слова не один раз.

– И повторю! – отчаянно произнес Андрей и допил вино.

– Добавку? – спросила Вера.

– Сейчас не надо. Я уже после пива и коньяка... А вот буду уезжать – десять литров с собой прихвачу.

– Подготовлю, – кивнула Вера. – Светку видел?

– Видел.

– Как она?

– Плохо. Похоже, чуть сдвинулась.

- Это многие заметили.
- Дитё твоё? – Вера исподлобья в упор посмотрела на гостя.
- Не знаю... Вряд ли и она знает это наверняка. У нас с ней до сих пор разговора об этом вообще не было.
- А сейчас?
- Дала понять.
- Привыкай. Этот разговор будет возникать постоянно. С кем бы ты ни встретился. У Светки здесь своеобразная репутация... Ты знаешь. Но это убийство ее как бы очистило. И потом – убит твой ребенок. В этом ни у кого нет сомнений. Зверски убит.
- И у тебя тоже нет сомнений?
- Никаких. – Вера взяла бутылку и наполнила два стакана. – Конопушки на носу, глазки голубенькие, ушки врасстырку... Никуда не денешься. Плод коктебельской любви. Не ты первый, не ты последний.
- И что же делать?
- Жить. Но... Осторожно.
- В каком смысле?
- Светка недавно заглянула ко мне... Мы с ней хорошо посидели за этим столиком. Пили вот этот кагор. Из этих же стаканов. Она мне кое-что рассказала... Немножко приоткрылась... Вернее кагор ее чуть приоткрыл. Болтать не буду, не моя это тайна, но она и тебе расскажет. Не выдержит.
- Уже, – обронил Андрей.
- Ну, вот видишь... – Вера подняла свой стакан. – Отдыхай, загорай, пей коньяк с хорошими людьми, – она усмехнулась, – но по сторонам оглядывайся. – Вера отпила глоток. – Если она поделилась со мной, с тобой... Наверняка мы не единственные. Женской своей дубленой шкурой чую дыхание нехорошего ветра. Вы оба в опасности. И ты, и Светка. С похоронами Леночки ничего не закончилось. Все продолжается. И она, дура, своими гуманными хохмами все только усложняет. Или, как говорили в свое время мои клиенты в писательской столовой, усугубляет. Я внятно выражаюсь?
- Вполне. А откуда опасность?
- Значит, ни фига ты не понял. Тебе Леночки мало? Пока Светка и ты живы, этот тип не может чувствовать себя в безопасности. Так понятней?
- Выходит, хлопотная у него жизнь началась.
- Знаешь, Андрей... Ты вот только сегодня появился... У нас эта жизнь началась два месяца назад.
- А вам-то чего беспокоиться?
- Так ведь маньяк завелся в наших краях! Он не остановится. Они такие, маньяки. Остановиться не могут. Пройдись вечерком по набережной... Она куда свободнее, чем это бывает в июле. И ночных купаний что-то не видать... Мои постояльцы, кстати, ночью не приходят по одному... Кучкой возвращаются.
- Осадное положение? – Андрей с улыбкой взял стакан.
- Тебе Светка показывала Леночкин снимок из морга? Это смешно? Забавно? Особенно, когда она говорит, что на снимке раны у Лены затягиваются, улыбка появляется... Тебе говорила об этом? Молчишь. Значит, говорила.
- А кагор хороший. – Андрей отпил глоток вина.
- Ха... Из заводских бочек. Как говорится, цельный. Нигде не разбавленный, ни в каких цистернах еще не побывавший. А вообще-то мы тебя раньше ждали.
- Не знал я! – почти закричал Андрей. – Не знал!
- Светка не позвонила?
- Нет!

- Дура, – беззлобно сказала Вера.
- Пойду я. – Андрей допил вино уже стоя. – К Славе загляну.
- Он у себя. Час назад в «Богдане» видела.

Протиснувшись сквозь узкую калитку, предназначенную, похоже, только для своих, Андрей оказался в парке Дома творчества. Постояв некоторое время, он наугад пошел по еле заметной тропинке. С таким примерно ощущением он ходил когда-то по остаткам Трои, маялся среди уцелевших колонн греческих храмов, бродил по древнему стадиону на острове Родос. Вроде как бы что-то и осталось, но жизнь ушла. Не было жизни ни в Трое, ни среди мраморных, пожелтевших от времени колонн, не грохотали трибуны азартом жизни на непривычно вытянутом Родосском стадионе. Хотя трибуны эти, вытесанные из камня тысячелетия назад, и сейчас готовы были принять толпы болельщиков в белых туниках...

Да и в адидасовских майках тоже.

Не было жизни и в парке Дома творчества. Хотя остался вечно пустой бассейн с каменной глыбой, торчащей в ясное небо, кое-где просматривались тропинки, остался постамент, на котором когда-то, как голова профессора Доуэля, горделиво восседала голова вождя мирового пролетариата.

Но жизни не было.

Хотя обилие пустых бутылок, банок, упаковок, которые, как оказалось, были не менее долговечны, нежели греческие колонны, говорило о том, что жизнь здесь все-таки присутствовала. Во всяком случае, проходил год за годом, а не брали эти отходы ночной человеческой жизнедеятельности ни время, ни зимние холода, ни летний зной, и располагались они уже какими-то геологическими пластами, по которым можно было судить, в каком году каким напиткам, каким закускам отдавалось предпочтение на коктейльном побережье. В годы, относящиеся к эпохе демократических перемен, отдавалось предпочтение пиву, потом отдыхающие постепенно, робко и неуверенно, приблизились к сухим винам. И, наконец, в последние годы в помойных ямах, щедро разбросанных по парку, все чаще стали попадаться бутылки из-под коньяка. В более глубоких слоях встречались в основном мерзавчики, потом, ближе к поверхности, пошли чекушки, поллитровки...

Жизнь постепенно возвращалась в эти священные места, но как-то своеобразно, бутылочно. Ни черновики писательских, ни сломанных авторучек или карандашей, ни спрессованных временем рукописей с авторской правкой...

Не попадалось.

А какие стихи звучали здесь при восходе луны или на рассвете, какие рождались формы и рифмы! Какие трепетные юные дарования обретали здесь признание, уверенность, а то и любовь! И не только в стихах, ребята, не только в стихах, но и в жизни тоже, потому что вокруг кипела, бурлила, клокотала жизнь. А какие крылья вырастали у них за спиной, и как, взмахнув этими белыми крыльями, устремлялись они в предрассветное небо, и там, в вышине, в первых лучах солнца, эти крылья становились розовыми, и розовой казалась жизнь, которая ожидала их на земле. А чтобы окунуться в эту счастливую жизнь, юным дарованиям достаточно было просто сложить нежные, как пеликаный пух, крылья за спиной и скользнуть по воздушным струям на эти вот аллеи, в эти вот восторги, искренние и вдохновенные, в эти свои же счастливые рифмы и формы.

И никто этому не удивлялся, потому что вокруг был Коктебель.

Тот еще Коктебель, ушедший ныне в геологические пласты. Как сказал поэт Жора Мельник: «Прощай, мой Коктебель конца семидесятых, с недорогим сухим разбавленным вином...» Он же произнес и не менее печальные слова и не менее прекрасные: «Прощай, мой Коктебель, ты мне не по карману...»

Но я еще вернусь и к поэту, и к его произведениям.

Света подошла к балконной двери и, чуть раздвинув шторку, увидела внизу Андрея. Он, не оглядываясь, дошел до угла дома и повернул налево. В полной уверенности, что Света наблюдает за ним с балкона. В прежние годы он всегда оглядывался, всегда махал ей рукой влюбленно и радостно. В те годы они только так и расставались – влюбленно и радостно, в полной уверенности, что увидятся снова через полчаса. Только полчаса требовалось Андрею, чтобы выбрать на соседнем рынке креветок, самых крупных и красных, чтобы выбрать красное вино каберне и самый большой арбуз, глухо и многообещающе потрескивающий в своих алых глубинах...

Какие были времена!

«Но мне их не вернуть ни памятью, ни сном» – как выразился однажды все тот же Жора Мельник. Он знает, о чем говорит: в этом году ему шестьдесят, шестого мая.

Не забыть бы в суете, глупой и бестолковой.

Убедившись, что Андрей ушел, Света вернулась на кухню и, сдвинув от сосредоточенности брови, аккуратно, до последней капли, слила недопитый коньяк из чашек и из бутылки в одну рюмку, огорченно хмыкнула – маловато набралось – и выпила.

– Вот так, дорогая, – произнесла она вслух. – Вот так ты теперь живешь. А Андрей не догадался сотенку гривен подбросить... Какая бы жизнь сейчас у меня началась! Извини, Андрюшенька, понимаю, что не из жадности... В жадности тебя никогда нельзя было упрекнуть... Вернись! – вдруг закричала она. – Вернись! Заклинаю – вернись! – И обессиленно прислонилась спиной к стене.

В этот момент раздался звонок мобильного. Звонил Андрей.

– Извини, Света... Я не спросил... У тебя как с деньгами?

– Прекрасно! Как всегда! Лучше не бывает!

– Понял, – сказал Андрей и отключил связь.

В дверь он позвонил через пять минут. Света тут же открыла – она заранее подошла к двери.

– Почему ты не спрашиваешь, кто пришел?

– Чую.

– Ладно... Извини, я не успел поменять, у меня только рубли... – Он протянул пятитысячную купюру. – Там, на скамейке возле базара, мужик сидит под зонтиком, Витя его зовут, меняет...

– Знаю. – Света взяла деньги и положила на стол.

– У него всегда был лучший курс.

– Знаю.

– Сдачи не надо, – улыбнулся Андрей.

Света сделала шаг вперед и неожиданно для самой себя вдруг обняла его и на какое-то время замерла.

– Подыхаю, Андрюшенька, – прошептала она сквозь слезы. – Просто подыхаю...

– Вижу.

– А деньги твои я пропью. Заранее говорю – пропью.

– Значит, такая у них судьба.

– У меня еще не было в руках пятитысячной бумажки. Это больше тысячи гривен.

– И через это надо пройти.

– Ты... Не пропадай, ладно?

– Мобильник в кармане, а от Веры сюда идти не больше пяти минут.

– Десять, – поправила Света.

– На такси доберусь за пять. Там Саша всегда на изготовке.

– Деньгами-то не очень разбрасывайся... Они мне еще понадобятся.

– Буду экономить.

- И Вере не слишком отваливай... Перебьется.
- Как договорились.
- Вот отмокну немного, протрезвею, может, ко мне переберешься...
- Думаешь, мне это дешевле обойдется? – рассмеялся Андрей.
- Ладно... Катись. Не пропадай.

И опять Света не вышла на балкон. Сейчас она уже не имела на это права – получится так, что будто за деньги благодарит, а это уже было недопустимо в их отношениях. Но сквозь штору посмотрела во двор. Андрей опять не оглянулся, понимал – не надо, получилось бы, что ждал благодарности. Захотела бы, окликнула. Но почему-то знал, что Света смотрит на него сквозь штору. И перед самым поворотом на улицу, не оглядываясь, поднял руку и потряс в воздухе кулаком, дескать, все понимаю, держись, я с тобой.

– Вот так, девочка, – пробормотала Света, падая на диван, втиснутый между холодильником и простенком. – Все получилось, как ты и хотела... Жизнь протекает, как прежде... Протекает? Или все-таки вытекает, будто из дырявого ведра... На самом доньшке что-то еще плещется... – Она повертела перед глазами купюрой, оставленной Андреем, и, положив ее на стол, поставила сверху пустую бутылку из-под коньяка, чтобы не унесло сквозняком.

Опять задребезжал мобильник.

Света взяла трубку, взвесила ее на ладони, словно уже догадывалась, кто звонит.

- Да. Слушаю.
- Привет. Это я.
- Узнала.
- Как поживаешь?
- Плохо.
- Может, увидимся?
- Зачем?
- Разговор есть.
- О чем?
- О тебе, обо мне.
- О Лене ты уже не хочешь говорить? Разобрался? Я на очереди?
- Давай, Света, увидимся... Надо. Я на скамейке возле почты. Все немного не так, Света... Все немного не так.
- Ты хочешь сказать, что Лена жива?
- Подходи, Света. Я на скамейке. Возле почты. Буду ждать.

На скамейке Света увидела тощеватого парня, одетого настолько неприметно, что, отвернись она от него на секунду, и уже не смогла бы сказать, во что он одет. Какие-то джинсы, не то польские, не то турецкие, какая-то рубашка, чуть светлее штанов, заношенные босоножки, похоже, действительно на босу ногу. Весь он выглядел каким-то запыленным – волосы, одежда, да и ногти не мешало бы привести в порядок. Увидев Свету, он бросил в стоящую рядом урну недокурную сигарету, попытался было встать, но остался сидеть. Похоже, просто для того, чтобы быть незаметнее. Человек, вставший со скамейки, потом снова севший, уже обращает на себя внимание.

Света присела на некотором расстоянии. Парень сидел, поставив локти на колени и глядя прямо перед собой.

- Хорошо выглядишь, – проговорил он, помолчав.
- А чего мне выглядеть плохо? Ты ведь еще не поработал надо мною.
- Хочешь, я скажу тебе одну вещь...
- Скажи. Интересно даже.
- Я ничего не помню. Представляешь... Я совершенно ничего не помню. Из того, что произошло.

- А как меня зовут, помнишь?
- Ладно, Света, ладно... Я говорю то, что есть.
- Может, это и не ты был?
- Может...
- Вон ты куда гнешь...
- Я никуда не гну. Я делюсь с тобой тем, что есть.
- А как кровь с себя смывал, помнишь?
- Нет.
- Так ведь и одежда на тебе должна быть в крови. Не голым же ты домой добирался.
- Я сжег всю одежду.
- Почему? В крови была?
- Да. В крови. Я тоже весь порезался... А как все произошло, не помню. Ничего не помню. Провал.
- А раньше резал детей?
- Не помню.
- Напомнят.
- В каком смысле?
- Такие случаи в картотеки собирают. Им достаточно взять тебя и про все другие случаи напомнят. Память твою освежат. Подозреваю, ты и в других местах наследил. Фотки покажут, экспертизы, отпечатки... Это милиция не нашла твоих следов. А я-то их сразу увидела, сразу поняла, какой гость навестил Лену...
- И какие же я следы оставил? – Парень наконец распрямылся и в упор посмотрел на Свету.
- Оставил, дорогуша. Следы всегда остаются.
- Света, сделанного не вернешь, но я не вру... Говорю же – провал в памяти.
- И что из этого следует? Провал у тебя случился в одном месте, писюка наслаждения потребовала, крови захотелось детской... И что из всего этого следует?
- Парень долго молчал, хотел было закурить, но спрятал сигареты и, поставив локти на колени, опять уставился в просвет между киосками.
- Ну не такая я уж сволочь! Может, больной? – В его голосе прозвучало нечто вроде надежды.
- А какая разница? Больной ты или здоровенький? В любом случае тебя уничтожить надо. А может, за тобой давно след тянется из трупиков, ножом исполосованных? Может, тебя по всей стране ищут? А ты тут на солнышке маешься – а может, я больной, а может, я не сволочь... А одежду окровавленную сжег. Значит, все понимаешь. Значит, и провалы у тебя как раз там случаются, где опасность светит.
- Света поднялась со скамейки, уже собираясь уйти, но парень успел схватить ее за руку.
- Подожди. Я еще кое-что хочу сказать... Сядь.
- Света села.
- Ты должна знать... Нам с тобой не разъехаться... Я всегда буду с тобой, хочешь ты того или нет. Я от тебя не отстану.
- И будешь время от времени приходить ко мне с окровавленным членом? Отмываться будешь приходить? Трусишки твои я должна буду застирывать? Да? Кровь засохшую я буду из-под твоих ногтей выскрести, да?! Хочешь, скажу... Я тебя собственными руками удавлю.
- Ладно... Разберемся... Это хахаль твой старый приехал? В поселке поговаривают, дочки твоей отец?
- Ну? Ты что-то сказать хотел?
- Передай ему – пусть не возникает. Не надо ему возникать. И сама тоже...
- Что тоже? Заткнуться?

– Вроде того. Я сказал то, что хотел. Правду сказал. Повинился, как мог. Но голову в петлю совать не буду. И постоять за себя еще могу. Если меня до сих пор не взяли, то уже и не возьмут. Нет у них доказательств. И следов не осталось. Я это сделал или кто другой... Проехали. Поняла? Проехали.

– Поняла.

– Тут слухи дошли, что божью кару накликаешь на меня хочешь? Вот это – пожалуйста. Сколько угодно. Молись по ночам. В церковь можешь сходить разок-другой. Исповедоваться в грехах захочешь, тоже не возражаю. Но со словами осторожней. Пасть свою не раскрывай.

– Неужели порвешь?

– Порву. И ты знаешь, что смогу. И ничто меня не остановит. И это ты знаешь.

– Ты, похоже, выздоравливаешь? Память возвращается? Опять на кровушку потянуло?

– Я все сказал. Живите, плодитесь, размножайтесь. Солнце, воздух и вода к вашим услугам. Но ведите себя прилично. Берегите себя. Вы еще молодые, и ты, и твой хахаль. У вас еще дети могут быть. Хорошенькие.

– А вот это ты напрасно сказал, дерьмо собачье. Тут ты маленько перегнул палку.

– Жизнь покажет, – улыбнулся парень.

– Смерть покажет, – поправила его Света.

Андрей уныло брел вдоль ржавых заборов, исполосовавших парк, как шрамы, нанесенные рукой сильной и безжалостной, брел, словно желая убедиться, что причудливые эти заборы – не лабиринт, сооруженный для потехи разомлевших пляжников, а действительно железная поступь нового времени. Брел, пока не вышел все к тому же раскаленному на солнце бассейну, в котором никто никогда не видел воды – только бутылки, только пакеты, только срамные отходы ночной человеческой жизни.

Впрочем, вода здесь все-таки когда-то была, поскольку камень, торчащий заскорузлым пальцем в небо, был покрыт ржавчиной, какая бывает от неочищенной водопроводной воды – то ли пытались когда-то отмыть камень от плесени, то ли из каких-то щелей били в далеком прошлом жиденькие фонтанные струйки, которые ни с чем пристойным сравнить просто невозможно...

Посидев в тени на скамейке и полюбовавшись на угластую глыбу гранита, с которой у него, как и у многих в Коктебеле, было связано немало счастливых воспоминаний, Андрей двинулся дальше, к узкой калитке, через которую можно было выйти на набережную. Здесь уже шла торговля – раковины, подсвечники, ножи, украшения из камня... Но продавцы, разморенные на полуденном солнце, и к своему товару, и к покупателям были совершенно безразличны.

Литературно-музыкальный салон «Богдан» Славы Ложко располагался, наверно, в лучшем месте Коктебеля – на набережной, на центральной торговой площади, на которую выходила и бывшая писательская столовая. Помещение салона было просторное, но мрачноватое. Впрочем, именно мрачноватость многих как раз и привлекала – здесь можно было укрыться от зноя и полюбоваться видом на Карадаг. Вряд ли еще какое заведение могло похвастаться таким видом. А если вам достанется столик у перил, вообще можете считать себя самым везучим человеком на набережной.

Именно за таким столиком и застал Андрей хозяина заведения.

– Привет, Слава!

– Наконец и до меня добрался... А то мне с утра доклады идут – с кем пьешь, что пьешь, в каком количестве... Рюмку коньяка осилишь?

– Если с тобой, осилю.

– Ну, ладно, так и быть... Нарушу режим. Когда приехал?

– Утром. Какие новости?

– А у нас одна новость. И ты наверняка уже о ней знаешь. Света рассказала, Вера дополнила... Надолго приехал?

– Как получится.

– Ты не имеешь права уезжать, пока не пришибешь маньяка. Понял? Спрашиваю – понял?

– А если он меня?

– Это я беру на себя. Будешь под моей крышей. Понадобится помощь... любая... – Слава помолчал. – Я с тобой. Усек?

Слава произнес не пустые слова. Он был своим человеком и в криминальных кругах, и в уголовном розыске, и в местных властях – все эти ребята предпочитали проводить свои посиделки именно в «Богдане». Случалось, что они отмечали свои победы одновременно: и тогда только Слава Ложко мог разобрать, кто из какой компании. Громадный, седой, с лицом, словно высеченным из розового сердолика, он действительно везде был не просто свой человек, а как бы даже в авторитете. С ним советовались, ставили в известность и полушутя даже отчитывались и воровские авторитеты, и следователи, и чиновники поссовета, зная, что дальше Славы никакие сведения не пойдут. Ни в какую сторону.

– Спрашиваю – усек? – повторил вопрос Слава.

– Ты о другом спрашиваешь... Ты хочешь знать, не дрогну ли я? Так вот – не дрогну. Сезон заканчивается в октябре... Время есть.

Слава протянул громадную свою ладонь размером в две нормальных и молча пожал Андрею руку.

– На Свету не надейся – она рехнулась.

– Я знаю. А Вера как?

– Это наш человек.

– Значит, нас уже трое?

– Ни фиги! Я всю свою банду брошу в это дело. И феодосийский угрозыск. И из криминала ребята не откажутся помочь. Они таких шуток не любят. Им только скажи кто... И завтра утром его по кускам собирать будут. А для начала по горным дорогам прокатят.

– Это как?

– Хорошая веревка, петля вокруг пояса, второй конец за бампер. И небольшая прогулка вокруг Карадага. Когда останавливаются, петля чаще всего уже пустая. Правда, немного запачканная. Но кровью мы все немного запачканные. Или освященные. Уже жертвенной кровью.

– Какой кошмар! – восхитился Андрей.

Слава поднял руку, привлекая внимание пробегающей мимо официантки.

– Жанна, значит, так... Наш юный друг, – он кивнул в сторону Андрея, – в северном стойбище, Москва называется, провел зиму без коктебельского коньяка, представляешь?! Мы можем ему помочь?

– Поможем, Вячеслав Федорович! Надо спасти человека.

– А закусить – сама придумай что-нибудь. Теперь послушай, – Слава придвинулся поближе к Андрею, когда Жанна отошла. – Зацепки есть. Этот любитель маленьких девочек следы свои все-таки оставил. Я разговаривал с ребятами из уголовного розыска – у Светки вся квартира в отпечатках. Среди них отпечатки и убийцы. Какие именно принадлежат ему – сейчас ребята устанавливают.

– Как? – не понял Андрей.

– Ищут хозяев всех отпечатков. Некоторые сами откликнулись и пришли, предъявили свои пальчики. На Светку надежд никаких. Но ты должен провести с ней работу – вдруг расколется. У нее в голове завелись тараканы, их надо выводить. Ведь она знает, кто это сделал. Или догадывается. Ты, как отец...

– Как я понял, с этим вопрос уже решен?

– Послушай меня. – Слава замолчал, ожидая, пока Жанна расставит на столе графинчик, рюмки, тарелочки с сыром. – Я знаю Светку давно и подробно. И у меня по ее поводу нет никаких иллюзий и заблуждений. Ты уже убедился – я знаю все, что происходит в Коктебеле в данный момент. Я знаю всех, кто у нее ночевал, а кто только собирается.

– Кроме одного, – заметил Андрей.

– Это кого?

– Кроме убийцы.

– Я не уверен, что он у нее ночевал. То, что он сотворил, с ночевкой не совмещается. Но бывают отклонения. Во всяком случае, когда ты сегодня позвонил в ее дверь, я об этом знал в ту же минуту. И сколько кагора выпил у Веры, тоже знаю. И кто ей этот кагор доставляет. И почему.

– Тогда мы победим, – усмехнулся Андрей.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – без улыбки ответил Слава. Он наполнил рюмки коньяком, помолчал, пристально глядя на Андрея, словно сомневаясь – справится ли тот со всем, что на него свалилось. – За победу.

– На всех фронтах, – добавил Андрей.

– А вот этого не надо, – жестко сказал Слава. – У нас один фронт. Одна задача. И все силы мы должны сосредоточить в одном направлении. Понял? Никаких фронтов. И пить ты будешь только у меня. И нигде больше. И не больше того, что я тебе налью. Прежняя твоя вольница закончилась. А то пиво на скамеечке он пьет, то коньяк со Светкой хлещет, кагором с Верой балуется, моим гостеприимством пользуется... Завязали, Андрюша. За это и выпьем.

– Один вопрос... А как ты узнал про коньяк со Светой?

– Ты его купил в киоске возле почты, когда к ней направлялся. Своего у нее нет, она за ночь все выхлестывает. Могу сказать, какая емкость бутылки, сколько звездочек на этикетке и сколько ты за него заплатил и какими шутками обменялся с продавцом Надей. Три звездочки, граненая бутылка, емкость пол-литра. Раньше ты на Светке так не экономил.

И Андрею ничего не оставалось, как в очередной раз восхититься службой оповещения Вячеслава Федоровича.

– Неужели у тебя еще хватает сил стихи писать?

– Придешь ко мне – подарю новую книгу! «Люди и птицы» – так она называется, – в глазах Славы на мгновение вспыхнули сатанинские искорки.

Над Коктебелем полыхал июльский полдень. Кара-даг дрожал в раскаленном воздухе, синева неба была выжжена, и над морем простиралось серое пространство зноя. Изнемогающие пляжники сгруппировались под тентами, и только дети как ни в чем не бывало визжали в обесилевшей от жары прибрежной волне. Другие звуки просто не протискивались сквозь вибрирующие, поднимающиеся от гальки струи обжигающего воздуха.

Андрей постоял на набережной, наблюдая за муками разбросанных по пляжу человеческих тел, и, поколебавшись, все-таки спустился к морю. Найдя свободный пяточок, он быстро разделся и, не медля ни секунды, вошел в воду. Саша не обманул, температура воды действительно была больше двадцати трех градусов. Андрей знал особенности коктебельского залива – и в такую жару вода могла охладиться до семнадцати, а то и до пятнадцати градусов. Время от времени течение поднимало из морских глубин холодную воду, и она просто не успевала нагреться за день-второй.

Это был обычный ритуал – в первый же день просто необходимо было окунуться в море, приехал ли ты в июле, октябре, а то и в декабре. Да, случалось Андрею входить и в декабрьские волны, правда, море, словно в гневе за бесцеремонность, тут же с силой выбрасывало его на берег под хохот случайных прохожих. Был в этом не только сложившийся обычай или примета, но и здравый смысл – нужно было смыть с себя дорожную пыль, смыть накопившиеся

тягостные впечатления, пустую суету, изнуряющие заботы, от которых люди и спасались на благословенных коктебельских берегах.

А Андрею было что смывать с себя, невеселые новости навалились на него в первые же часы пребывания здесь. Да что там часы – в первые минуты водитель вывалил на него такой ворох событий, от которых он, кажется, до сих пор не разогнулся.

В такую жару обгореть можно было за полчаса, и Андрей не стал испытывать судьбу. Чуть обсохнув, он оделся и по бетонным ступенькам поднялся на набережную. Странно, но здесь жара уже не казалась столь сильной, даже ветерок какой-то можно было почувствовать, да и тень иногда попадалась.

Зазвонил мобильник.

– Обживаешься? – спросила Света без приветствия.

– Помаленьку... А ты как?

– Славу видел?

– Недавно расстались.

– Меня материл?

– Нет, но удержался он, кажется, с трудом. Послушай... А этот маньяк знает... Как бы это тебе помягче выразиться...

– Да уж выразишь как-нибудь... Авось пойму.

– Он знает, что ты решила... Что ты ожидаешь для него божьей кары?

– Да.

– Ты сама ему об этом сказала?

– Через добрых людей передала.

– И много этих добрых людей? – Андрей почувствовал раздражение. Это с ним случилось, когда он видел, что человек разговаривает с ним, как бы снисходя к его ограниченности и непонятливости.

– Успокойся, Андрюша... – Света сразу поняла его настроение. – Кушать хочется. Может, перекусим где-нибудь?

– Ближайшая к тебе забегаловка – «Ветерок». Годится?

– Буду там через полчаса, – ответила Света.

Андрей добрался до «Ветерка» за десять минут – ему достаточно было пересечь парк Дома творчества. Это был обычный павильон, заросший какими-то вьющимися растениями, но не виноградом, нет, гроздьев на стенах Андрей не видел ни осенью, ни зимой. Войти в павильон можно было прямо с улицы, поэтому посетителей там хватало всегда.

Едва Андрей сел за столик в дальнем тенистом углу, к нему подсел Леша, хозяин заведения, плотный, немногословный, добродушный крепыш, слегка лысоватый, что, впрочем, несколько его не портило.

– Привет, – протянул он плотную, сильную ладонь. – Когда приехал?

– Утром. Жара тут у вас.

– Июль, – ответил Леша. – В июле ты редко бываешь... Пивка?

– Холодного?

Вместо ответа Леша поднял руку с двумя растопыренными пальцами, и не прошло минуты, как перед ними на столе стояли две запотевшие кружки пива и блюдечко с фисташками.

– Ждешь кого?

– Свету.

– Она частенько у нас бывает. Предпочитает мясо.

– Хищник потому что, – ответил Андрей.

– Даже не знаю, что тебе сказать и о чем спросить, – проговорил Леша, отпив полкружки пива. – Ты же, наверно, все уже знаешь?

– Почти. Кто убил, не знаю. Вроде ее приятель.

– Я могу говорить? Не обидишься?

– Валяй, Леша.

– У нее этих приятелей... Видимо-невидимо.

– Значит, двое-трое наберутся? – усмехнулся Андрей.

– Примерно так... Но из тех, кого я видел... На такое никто не пойдет. Наши ребята, местные... Они и сейчас все на виду.

– Я его найду, – сказал Андрей и, положив на стол два кулака, в упор, исподлобья, посмотрел на Лешу. – Я его найду. Сука буду, найду. – Несмотря на суровость слов, которые произнес Андрей несколько раз, голос его дрогнул, и, не выдержав, он отвернулся, а потом вовсе поднялся и вышел на улицу. Все эти несколько часов, которые он провел в Коктебеле, до него словно бы не доходил смысл случившегося, все как-то тонуло в подробностях, встречах, тостах, и только вот теперь, слушая неторопливый голос Леша, который ничего не рассказывал и ни о чем не спрашивал, Андрей почувствовал, что выдержка ему изменяет.

Через несколько минут Леша вышел вслед за ним, подошел сзади, легонько похлопал по плечу.

– Пошли, Андрюша... Пиво нагревается, это нехорошо... Надо бы нам его прикончить... Пошли.

И Андрей, благодарный Леше за такое вот участие, послушно вернулся на свое место. Взяв салфетку, он промокнул глаза, виновато посмотрел на Лешу.

– А я тебе вот что скажу, – Леша положил плотную свою ладонь Андрею на руку. – Слабые не плачут. Плачут сильные. Слабые кричат, клянутся, топают ногами... А слезы... Слезы не могут быть в укор. Ни женщине, ни мужчине. Согласен?

Андрей молча кивнул.

– Пока Света не пришла, я вот еще что тебе скажу... Странно она себя ведет. Непонятно. Заглядывает перекусить, я иногда подсаживаюсь к ней, что-то говорю, она отвечает... И сдается мне, после наших с ней бесед, сдается мне, что догадывается она, кто это совершил. Ты, конечно, меня прости, но вот такие глупые мысли посещают меня...

– Меня тоже, – сказал Андрей.

– Неужели после всего, что он натворил с ее дочкой, не хочет она его сдать?

– Там другое.

– Ладно, не моего ума дело. И еще одно... «Ветерок» – хорошее местечко, на перекрестке всех дорог... Даже если кто и не хочет заглянуть, мимо не пройдет. Тот поздороваться, тот перекусить, у нас же вход без дверей – кто-то знакомых внутри увидит, зайдет, подсядет к столу, его угостят, он угостит... Все они у меня на виду. Я вот к чему... Если будет какая зацепка – скажи. Заметано? А вот и Света.

Света вошла быстро, порывисто, сразу увидела Андрей с Лешей, подошла, села, проскрежетав ножками стула по асфальту, взглянула на каждого, на пустые кружки.

– Пивуете?

– Балуемся, – ответил Леша.

– Мне косточки перемываєте?

– А как догадалась?

– На улице жара, а у меня озноб по телу. Я, конечно, сразу поняла, в чем дело. Пивком угостите?

– И отбивнушка не помешает?

– Только во благо! – рассмеялась Света.

Леша снова поднял руку, уже с тремя растопыренными пальцами, указал взглядом на Свету. Официантка, молоденькая девчушка, видимо, подрабатывала на школьных каникулах, сразу все поняла. Пиво принесла сразу, отбивную – минут через пять.

– Шустрая девочка, – отметил Андрей.

– Моя школа, племянница.

– Как вам погода? – нарушила Света молчание. – Прошное лето было не такое жаркое, – продолжала она, прихлебывая пиво. – А это прямо-таки... нестерпимое. Люблю жару. И дождь люблю. И туман. Какой здесь бывает туман в декабре, да, Андрей? И ни единой души на набережной, ни единой души во всем Коктебле... Твоя, Леша, забегаловка закрыта, листья осыпались, она зимой совершенно прозрачная... Только проволочный каркас, ветер и мы с Андреем. Андрей, помнишь, как мы тут в декабре гудели? Красное каберне и отбивная из «Камелота»... Зимой только «Камелот» работает...

– Давно это было, – пробормотал Андрей, не зная, что ответить на эти воспоминания.

– Давно, – согласилась Света. – Лены еще не было. Лена появилась через девять месяцев. Потом тебя не было несколько лет, потом я Лене набавила пару годков, чтобы ты чувствовал себя здесь спокойно и... Как бы это выразиться поточнее... Неуязвимее. Ты до сих пор чувствуешь себя неуязвимо?

– Уже нет.

– Я, пожалуй, пойду, – поднялся Леша. – Работа, конечно, не волк, но внимания требует. Вообще жизнь требует к себе серьезного отношения, да, Андрей? Согласен?

Леша прощально потряс в воздухе кулаком, дескать, держитесь, ребята, и скрылся в подсобном помещении. Оттуда тут же послышался его напористый и гневный голос – видимо, уловил какую-то недоработку в своем хозяйстве.

Андрей хорошо помнил тот давний туманный декабрь в Коктебеле. Его днепропетровский друг предложил ему поселиться у него в гостинице, занять любой приглянувшийся номер, поскольку они все равно пустовали, и жить там хоть до весны. В этой гостинице они со Светой и обосновались – ее квартира не отапливалась, продувалась всеми ветрами гор, морей и степей, к тому же и вода случалась далеко не всегда, а горячее не было вообще. И тогда действительно можно было посмотреть в один конец набережной, в другой конец набережной и не увидеть ни единого человечка. Или иначе: от могилы Волошина на холме до профиля Волошина на Карадаге – никого. Было у них в ходу тогда еще одно обозначение декабрьского безлюдья – ни одного голого мужика, ни одной голой бабы от восточного нудистского лежбища до западного нудистского лежбища...

Они тогда часто прогуливались вдоль беснующегося моря, и Андрей простыл. Кашель, температура, озноб, и он, не выдержав, чтобы не истязать своей болезнью Свету, решил уехать. Она должна была его провожать к поезду в Симферополь, но в последний момент куда-то запропала. На ожидание времени не оставалось. И Андрей, бросив сумку в машину, сел рядом с водителем, все с тем же Сашей – поехали. Но что-то его дернуло, он попросил остановить машину напротив центрального входа в парк. Вот когда безлюдье выручило – в самом конце аллеи, в туманной дымке, он рассмотрел маленькую фигурку Светы. В развевающемся пальтишке, потеряв по дороге косынку, она бежала к главной улице, стараясь успеть до его отъезда. Ей в голову пришла сумасбродная мысль – подарить ему на дорогу громадную коробку с каберне. Трехлитровый пакет она нашла в том же «Камелоте» – в ту зиму вино продавали в таких пакетах.

Наверно, это была их самая счастливая поездка – по пустынной зимней дороге, в Симферополь, к московскому поезду. Они явно опаздывали, Саша гнал машину на предельной скорости, а они, расположившись на заднем сиденье, пили из громадного пакета красное каберне и закусывали захваченными в дорогу холодными котлетами все из того же «Камелота». И, не сговариваясь, словно по заранее задуманной уловке, тянули время, останавливались у каких-то магазинчиков, делали вид, что им необходимо купить нечто важное, совершенно необходимое

в дороге, а, войдя в магазинчик, сквозь стекло весело смотрели на нервно прохаживающегося у машины водителя.

– Опаздываем, ребята, – стонал Саша. – Опаздываем!

– Успеем, – благодушно отвечали они в легком уже хмелю от красного сухого вина каберне, которое в тот декабрь продавали в Коктебеле в красивых упругих пакетах с маленькими краниками возле самого дна. И когда один из них держал пакет на весу, второй, прикинув к кранику, всасывал в себя тоненькую струйку красного сухого вина каберне.

И когда машина вылетела на вокзальную площадь города Симферополя, когда они увидели, что состав стоит на первой платформе и уже с вещами бросились к вагонам, Света вдруг вспомнила, что забыла в машине кошелек.

– Да на кой черт тебе этот кошелек, если мы сейчас с тобой едем в обратную сторону! – заорал Саша.

– Там же билет на поезд! – соврала она с такой искренней убежденностью, что Саша просто вынужден был вернуться, открыть машину, и Света нашла там наконец свой кошелек. А когда они догнали Андрея, тот вдруг хлопнул себя по лбу...

– Боже! Я же забыл тормозок!

И он вернулся, и Саша снова открывал машину, они впопыхах искали кулек с камелотовскими котлетами и, конечно же, не нашли.

– Вы же все съели по дороге, – чуть слышно простонал Саша.

– Действительно, – фальшивым голосом согласился Андрей и побрел, подневольно побрел к платформе. А поезд в это время, а поезд в это время, а поезд в это время – о, счастье! – медленно-медленно тронулся в сторону Москвы. И проводники захлопывали двери, провожающие суматошно махали руками, а отъезжающие, раздавив о немые стекла зареванные свои морды, пытались что-то там важное втолковать им напоследок.

– Беги! Успеешь прыгнуть! – закричал Саша и, схватив сумку, бросился к раскрытой еще двери проплывающего мимо вагона. Но Андрей оказался на пути, и Саша, наткнувшись на него, наконец-то все понял.

– Ну, вы, ребята, даете, – пробормотал он, обессиленно сев на сумку Андрея.

А ребята его не слышали.

А ребята, изо всех сил обхватив друг друга, тыкались друг в друга мокрыми счастливыми лицами.

Надо же, в этой бестолковой, глупой, влюбленной поездке Андрей и выздоровел. Как ничего и не было. Может, вино помогло, а может, все остальное.

И декабрь продолжался.

– Как протекает вживание в Коктебель? – спросила Света, прихлебывая пиво, которым их угостил хозяин этого прекрасного заведения.

– Успешно.

– Всех повидал? Всем показался? Со всеми выпил?

– Жора остался.

– Он звонил. Обещал сюда подойти.

Мимо проносились невидимые за листвой машины, за перегородкой грохотал голос Леши, звякала посудой племянница хозяина, а Андрей и Света сидели в темном углу павильона и наблюдали за протекающей мимо жизнью.

– О чем задумался, Андрюша? – спросила Света.

В разговоре с Андреем у нее установился снисходительный тон, словно переживания, выпавшие на нее этой весной, этим летом, давали ей какое-то преимущество. А Андрей, ничего не переживший, ничего не испытывший, уже этим как бы провинился и потому не мог рассчитывать на равенство.

– А знаешь, о декабре... О том самом, первом нашем декабре.

– Ничего был декабрь... Туманный, правда, ветренный, как мне помнится.

– Тебе больше ничего не помнится?

– А, кроме погоды, было еще что-то? – Света удивленно вскинула брови – о чем это он?

– Да ладно дурака валять... Мне кажется, что в тот декабрь я мог бы поступить и лучше.

– Нет, Андрюшенька, – Света с силой раздавила в блюде окурки. Она продолжала называть его Андрюшенькой, уже этим как бы показывая свое превосходство. – В тот декабрь ты вел себя настолько хорошо, что лучше вести просто невозможно.

– Даже так?

– Лучше ты мог бы вести себя позже. В феврале, марте, апреле, мае... Но и за эти месяцы упрекнуть тебя не в чем. Нормальный мужик... Ты ничего не обещал, я ни о чем не просила... Ты не совершил ничего плохого, недостойного... Просто сделал шаг в сторону. Вот и все. Перешел на параллельные рельсы. До этого мы с тобой шли как бы по одним рельсам, а после декабря пошли по разным... Которые с каждым днем все более друг от дружки удалялись. Ты уехал в многолюдную свою Москву, я осталась в безлюдном, туманном, холодном Коктебеле. После твоего отъезда перебралась из гостиницы в свою квартиру на пятом этаже... Боже, какая же она была холодная. Не только в температурном смысле слова...

– А в каком еще?

– Даже не знаю, как тебе объяснить, чтобы было понятно...

– Да напрягись уж как-нибудь, – с легким раздражением ответил Андрей.

– Не злись, Андрюшенька... Если ты все эти годы не злился, то теперь-то совсем ни к чему... Да и я уже за пределами добра и зла, я теперь неприкосновенная и потому могу быть вредной, капризной, стервозной... А в каком смысле было холодно... ты и сам знаешь, но если уж захотелось услышать это от меня, скажу... В душевном смысле, в духовном, в нравственном... Понимаешь? Слов много, но это все приблизительные слова, не окончательные...

– А Лене, говоришь, было восемь лет?

– Девятый ей шел... В августе будет девять.

– Значит, все-таки декабрь.

– Ну, а что же ты хочешь, Андрюшенька... Для нас с тобой это был крутой декабрь... Мы тогда потеряли всякую осторожность. Особенно ты.

– Почему особенно я?

– Потому – ты обязан был думать об осторожности. Я, конечно, могла кое-что предпринять потом... Спустя какое-то время... Но ты позванивал иногда, слова всякие рискованные произносил, неосторожные слова, этот злополучный декабрь поминал добрым словом... И я размечталась. И получила свое.

– Значит, говоришь, сделал шаг в сторону...

Света его не слышала.

– Но я не жалею. Тогда не жалела и сейчас тоже.

– Напрасно ты мне не сказала с самого начала, напрасно.

– Надо было брать тебя за горло?

– Могла бы взять и за другое место... Кстати, а чего это ты все время называешь меня Андрюшенькой?

– А как же тебя еще называть? Очень подходящее для тебя имя. Ласковое, можно сказать. Стоит только произнести его, и сразу становится ясно, о ком идет речь. И все остальное становится понятным – о чем можно говорить с этим человеком, о чем говорить с ним нет никакого смысла, произнесешь это имя, и виден допустимый уровень откровенности, серьезности, доверительности...

Андрей долго молчал, глядя в зеленый просвет на пронсящиеся мимо машины и не видя их. Заходили посетители, заказывали пиво, вяленую рыбу, фисташки, сушеных кальмаров. За зеленой стеной стояла все та же полуденная жара, но здесь, в тени, о ней как-то не думалось.

– Скажи мне, Света... Кто этот человек? – проговорил наконец Андрей.

– И что ты с ним сделаешь?

– Я его убью.

– И все? – разочарованно протянула Света. – Ты его убьешь, и все?!

– А что ты хочешь?

– Я хочу божьей кары.

– Это как?

– Я хочу, чтобы он умирал годами. И чтобы все эти годы он знал, что умирает. И это будет. Это точно будет. Я знаю! – уже шепотом произнесла Света. Взглянув ей в глаза, Андрей готов был отшатнуться – столько в них было решимости.

– И кто это сделает?

– Ты. Ты, Андрей.

– Думаешь, смогу?

– Помнишь тот декабрь? У меня ничего не было в жизни стоящего, кроме того декабря. Понял?! У меня ничего не было в жизни, кроме того декабря! Хочешь откровенно? У тебя ведь тоже ничего лучше не было. Иначе ты не приезжал бы сюда каждый год в надежде, что декабрь повторится. Ничего не повторяется дважды. Ничего, понял?! – Света говорила все громче, но, заметив, что на них обращают внимание, перешла на шепот. – Я не верю, Андрюшенька, что ты ничего не знал про Лену. Не верю. Весь Коктебель знал, а ты не знал?! И никто тебе за все эти годы ничего не сказал, не объяснил, не намекнул? Не верю. Да, я тебе не говорила, я не возникала. И ты продолжал пребывать в счастливом неведении. Другими словами, дураком притворялся. Ты притворялся дураком, а я тебе это позволяла. В память о том декабре. Я и сейчас еще там. Я до сих пор несусь с тобой в той разболтанной машине в Симферополь, к поезду, который отошел от перрона на наших глазах. Я до сих пор пью с тобой каберне из краника в картонной коробке – нам же хватило вина на всю обратную дорогу, помнишь?

– Помню.

– Вот и хорошо. Молодец. – Света устало откинулась на спинку стула и вынула из пачки новую сигарету.

– Ты много куришь, – сказал Андрей.

– И много пью. Поброди по Коктебелю – тебе припомнят много других моих недостатков.

– Ты изменилась, Света.

– Ничуть. Человек вообще не меняется. Просто с переменой обстоятельств проявляются те или иные его качества, которые раньше никак о себе не заявляли, поскольку не было в них надобности. Сейчас из меня полезло это... Я сделалась бесцеремонной, может быть, даже наглой... Эти черты были во мне всегда, но в спящем состоянии. Потом, когда условия моей жизни опять изменятся, они исчезнут и вылезут такие, о которых я сейчас и не догадываюсь. Думаешь, из тебя ничего новенького не показалось?

– Что же из меня вылезло?

– Ты был отчаянный и безрассудный. Это ушло. В тебе была хорошая такая, светлая дерзость... Она тоже исчезла, может быть, растворилась в новых твоих качествах, которые для жизни более необходимы.

– Например?

– Осторожность... Разумеется, в хорошем смысле слова. Практичность. Достойная такая практичность взрослого человека.

– В чем же она проявляется?

– Сегодня утром ты пришел с коньяком... Три звездочки. Раньше ты бы вывернул все карманы, но коньяк взял бы семилетний, одиннадцатилетний... Это не жлобство, не обижайся... Это практичность – чего деньги на ветер бросать... Ты же знаешь, что и тот и другой я выпью одинаково охотно. Мы не виделись год, а ты прошел мимо цветочного базара, и тебе в голову даже не пришло, что неплохо бы цветочек купить захудалый, занюханный какой-нибудь... Были времена, когда ты брал цветы, лучшие из всех имеющихся на прилавке... Помнишь, когда однажды я к тебе в Москву в декабре нагрянула... Ты, конечно, обалдел, но быстро справился с собой и вел себя вполне достойно, хотя у тебя были со мной сложности... Второго декабря не получилось, но... Его и не могло получиться. А вот и Жора пришел... Давай сюда, Жора! Не робей! Давно тебя ждем!

– Друзья мои! Я вас приветствую в этот солнечный день! – с подъемом произнес Жора, подтаскивая стул от соседнего столика. – Как протекает жизнь?

– Вот Света говорит, что она в основном вытекает, – вяло ответил Андрей.

– Что так?

– Размазывает меня по столу, как манную кашу.

– Это она умеет, да, Света? Но ты не переживай – она размажет, она же тебя и в кучку соберет, и форму тебе приличную придаст, и в щечку поцелует. Да, Света?

– Как получится, Жора, как получится.

Жора привычно затиснулся в угол, поставил у ног неизменную свою сумку и, подперев кулаком подбородок, посмотрел на Свету, потом на Андрея.

– Вот вы сидите здесь, беседуете о жизни, как я понимаю...

– О личной жизни, – поправила Света.

– А другой и не бывает, – Жора, кажется, даже удивился ее словам. – Все, что выходит за пределы личной жизни, называется иначе – это уже работа, деятельность. В худшем варианте – прозябание. Есть еще и подыхание, но это тоже личная жизнь.

– А когда личной жизни нет? – спросила Света.

– А вот тогда только и начинается настоящая личная жизнь, – у Жоры была необычная манера говорить – он начинал говорить громко и напористо, а потом переходил на шепот, как бы подчеркивая этим важность заключительных слов и в то же время давая понять, что не для всех предназначены главные его слова. – Когда однажды тебе покажется... с похмелья ли, или еще после каких-либо счастливых потрясений... Так вот, когда тебе покажется, что у тебя нет никакой личной жизни, это означает только одно – твоя личная жизнь слишком напряжена, слишком многозначна или, прости, многоцелевая. И тебе просто хочется покоя.

– Что нового на поэтическом фронте? – Света, кажется, своевременно прервала разоблачительные слова Жоры.

– Захотелось стихов? Их есть у меня...

Прощай, мой Коктебель, ты мне не по карману,
В иных краях теперь хмельные песни петь.
Прощай, мой Коктебель, я опасаясь спьяну,
Вдали от милых мест проститься не успеть...

– Есть и продолжение? – спросил Андрей.

Прощай, мой Карадаг, свободный от охраны,
Очерченных границ, чинов, моральных пут,
Где до сих пор нас ждут граненые стаканы
И тайну прошлых встреч надежно берегут.

– Я вижу, Жора, что с личной жизнью у тебя тоже не все в порядке? – спросила Света.

– Да, милая девушка... Да! У меня очень плохо с личной жизнью... Но не потому, что мне надоели бесконечные выяснения отношений, ссоры, истерики, ночные телефонные звонки, панические телеграммы, судорожные поездки, все эти аэропорты, вокзалы, причалы... А потому что всего этого мне смертельно не хватает. Открою вам нечто важное... Настоящая личная жизнь наступает, когда с ней не все в порядке. А заканчивается... После тридцати-сорока лет счастливого, безоблачного брака.

– Слава богу, нам это не грозит, – проговорила Света с каким-то нервным смешком.

– Как знать, – произнес Андрей странноватые слова.

Света быстро взглянула на него, кажется, даже легкий испуг промелькнул в ее глазах, и она тут же опустила голову.

– Друзья мои... – Жора помолчал. – Должен сообщить вам печальную новость... Сегодня утром на Кара-даге, недалеко от Чертова Пальца, обнаружен труп девочки. Примерно девятидесяти лет.

– Боже! – Света прикрыла рот рукой. – И что?

Жора с удивлением посмотрел на нее и молча развел руками.

– Она... Убита? Ножом?

– Не знаю, Света. Знакомый мент только что рассказал. Олег, ты знаешь его. Увезли в Феодосию. Что сказать... Как она ночью оказалась у Чертова Пальца? Девочки наши южные рано начинают чувствовать стремление к личной жизни, о которой мы только что говорили. Может, от экскурсии отбилась... Это случается. Ну что, друзья мои... – Жора поднялся. – Рад был вас повидать... Я убедился, что вы в добром здравии. Некоторые ваши слова меня даже порадовали... Не буду их повторять, чтобы не вспугнуть. Хорошие слова пугливые, как юные красавицы. С ними надо быть осторожнее, не выпускать в пространство без толку... И без присмотра не оставлять. Ни на минуту. Андрей, мы еще увидимся. Я на телефоне, ты тоже. Пока, ребята! – И, подхватив черную свою сумку, которая всегда чуть перекашивала его не слишком могучую фигуру, Жора направился к выходу. Постояв некоторое время, привыкнув к слепящему солнцу, он решительно шагнул на дорогу.

– Уходим? – спросил Андрей.

– Да, пора, – чуть поспешнее, чем нужно, засобиралась Света.

– Не так же быстро! – Дождавшись, когда в зале покажется Леша, Андрей помахал ему рукой – дескать, запиши на меня сколько положено. Тот сделал успокаивающий жест – не переживай, все в порядке.

– Ты согласен с тем, что я тебе сказала? – спросила Света.

– О нашем счастливом декабре? Да... Но кое-что происходило иначе.

– Что именно?

– Знаешь, давай остановимся... Нельзя же все точки расставить за одной кружкой пива, – усмехнулся Андрей. – У тебя сохранились эти воспоминания, у меня... Не только эти. Договорим чуть позже. Походи несколько дней с чувством правоты, ладно?

– Как скажешь. – Света поднялась. – Ты сейчас куда?

– К тебе.

– Да? У меня другие планы. Мы с тобой не договаривались...

– Договоримся. – Андрей взял Свету под локоток, перевел через дорогу. – У тебя дома есть инструменты? Обычные – молоток, плоскогубцы, отвертка? Есть?

– Что-то есть... А зачем тебе?

– Увидишь. – В первом же хозяйственном киоске, рядом с рынком, Андрей купил два дверных замка – внутренний, который вставлялся в дверь, и накладной. Старался выбрать подороже, с причудливыми ключами, которые обеспечивали бы полную надежность замков. Поднявшись на пятый этаж, он, не раздумывая и ничего не объясняя, свинтил со Светиной

двери оба замка и вместо них установил новые. Один вставил внутрь двери, второй привинтил к двери со стороны квартиры. После этого попробовал, как закрывается дверь, как срабатывают ключи.

Все действовало четко.

Света все это время молча покуривала на кухне.

– И как это все понимать? – спросила она, когда Андрей закончил работу и положил перед ней ключи.

– А вот так и понимай. Здесь четыре комплекта. Один оставляю тебе, три беру себе.

– Не многовато? Тебе-то зачем три?

– Чтобы ты не вздумала кому-нибудь подарить. Есть у тебя такая привычка. Душа больно широкая. У подружек твои ключи, у друзей... назовем их друзьями, я только сегодня приехал, а у меня в кармане уже твои ключи позвякивают.

– Что же в этом плохого?

– Ты не догадываешься, что по ножу ходишь? Ты думаешь, этот маньяк спокойно спит в своей вонючей кровати только потому, что ты ждешь для него божьей кары? А вдруг ты пере-думаешь? А вдруг я уговорю тебя показать мне его поганую физиономию? А вдруг милиция докопается и ты как свидетель дашь показания?

– Какой ты умный, Андрюшенька!

– И вот еще что... Давай заканчивать с Андрюшенькой. Нет у тебя повода для этого куража. Нет.

– Ты уверен?

– Да. – Андрей свинтил с колец по одному ключу и положил перед Светой. – Мы еще поговорим о нашем декабре.

– О прошлом декабре?

– Как знать, может, и о будущем язык повернется.

– Думаешь, он будет?

– Обязательно. С нами или без нас, но наступит. Будь осторожна, Света... Я чую шкуркой – этот придурок вертится где-то рядом. Пока мы ходили по Коктебелю, он не мелькал в отдалении?

– Почему же в отдалении? – спросила Света, вскинув подбородок, словно подставляя лицо под пощечины. – Он на минутку заглянул к Леше в «Ветерок».

– И видел, как мы покупали замки?

– К тому времени он слинял.

– А меня он видел?

– Ты к нему спиной сидел.

– Я точно не засветился?

– Андрей, успокойся. Я бы сказала.

– И он в самом деле верит, что ты его не сдашь?

– Как видишь... Возникает время от времени.

– Так он действительно придурок?

– Конечно. Но есть и отличия от всех прочих... У него большое беспокойство в штанах, прямо ненормальное. И нож в кармане. Так что, Андрей, я тоже хочу тебя предупредить... Будь осторожнее. Время от времени у него мозги отключаются... И ему все равно, один человек перед ним или десять...

– Леша его видел?

– Нет. В это время его не было в зале.

– Он тоже пиво пил?

– Я же сказала – на минутку заглянул, окинул взором, как говорится. Увидел нас в углу и тут же вышел.

– Ладно, разберемся. – Андрей взял с подоконника картонную папку, механически раскрыл ее – это были рисунки Лены. У нее была странная привычка – на альбомном листе бумаги обводить карандашом по контуру ладонь с раздвинутыми пальцами, не только свои ладошки, но и всех, кто подворачивался под руку. – Она до сих пор этим увлекалась?

– Как видишь.

– Где-то здесь и моя ладошка.

– И не одна, – улыбнулась Света и, взяв у Андрея альбом, перевернула несколько страниц. – Видишь, ладонь Славы не поместилась. – Она закрыла папку и бросила ее на подоконник. – Значит, говоришь, я тоже вела себя не слишком хорошо в том декабре?

– В декабре все было прекрасно. Сбои начались позже. Не будем сейчас об этом... Послушай... Может, мне сюда перебраться?

– Я отвыкла от тебя. Смотрю и прикидываю – да ты ли это... Дай немного присмотреться.

– Тогда ладно, – Андрей поднялся. – Не забывай закрывать дверь. На оба замка. И на два поворота ключа. И кнопку вниз.

– Заметано, – улыбнулась Света.

Каждый раз, приезжая в Коктебель, Андрей как бы заново с ним знакомился, заново привыкал к нему. Были годы, когда он каждый раз в него заново влюблялся. Зубчатый профиль Карадага, восход луны над заливом, каберне на разогретых солнцем бетонных плитах набережной, ночные купания, хмельной треп до рассвета на остывшей гальке пляжа, легкие, необязательные знакомства... Все это когда-то волновало, тревожило, заставляло стремиться сюда, чтобы прикоснуться к недолгому лету. В Москве лета не было – жара, пыль, бензиновая гарь, но не лето.

Однако в этот свой приезд он обнаружил, что никакой радости не испытывает, все просто, буднично, да еще и печально. Пришла мысль, что все в жизни становится хуже, если не безнадежнее. Опять эта центральная, развороченная траншеями улица, тротуар с провалившимися плитами, исчез Дом творчества с парком – а ведь когда-то, совсем недавно, здесь, в пяти минутах от моря, можно было взять комнату хоть на все лето...

А какая была галька!

Тысячи лет волна обкатывала черные камни с вкрапленными в них голубыми агатами! Вывезли все эти камни вместе с агатами на стройки, погрузили экскаваторами в самосвалы и вывезли! В фундаментные траншеи засыпали. А вместо них завезли на пляжи острый щебень с каменных карьеров...

Но все-таки остались несколько прежних пляжей в бухтах – в Лягушачьей, Сердоликовой, в Бухте-Барахте... А ведь были времена – можно было, ни у кого не спрашивая разрешения, сходить в эти бухты... Уже нельзя. Егеря на охране, все тропки перекрыты. Может, и правильно, заповедник там нынче, но бухты из жизни исчезли, ушла из жизни черная галька с вкрапленными голубыми агатами...

А какая в этих бухтах вода!

Голубая, как агаты...

Ладно, и с этим можно смириться, но как быть с девочкой, на трупике которой в морге насчитали двадцать шесть ножевых ударов... И это Коктебель – солнечный, беззаботный, хмельной? Теперь по вечерам на набережной прогуливаются высокие крепкие ребята в черной форме – десантники из соседней воинской части...

На всякий случай.

«Куда катимся, ребята, куда катимся?» – без конца повторял Андрей, перепрыгивая через траншеи, глиняные кучи, мусорные завалы на центральной улице имени Ленина Владимира Ильича. Конечно, случалось разное и при Волошине, в солнечные довоенные годы, на пустынных тогда еще берегах, пропахших горячей горной пылью. И слезы были, и несчастья,

измены, обиды, но какими же они сейчас, в начале двадцать первого века, кажутся милыми и забавными, почти детскими...

Проснувшись утром, Андрей некоторое время лежал без движения, глядя в светлый потолок и пытаясь понять, где он оказался. И только увидев в окне острые скалы Карадага, понял – Коктебель.

Не поднимаясь с дивана, взял с тумбочки мобильник и позвонил Свете.

– Я приветствую вас в это прекрасное утро! – сказал он, стараясь наполнить свой голос утренним солнцем, свежим воздухом, сверкающим морем.

– Привет, – ответила Света. – Выжил?

– Местами.

– Какие чувства обуревают?

– Жажда, – признался Андрей.

– Это поправимо.

– Я ни на что не намекаю, но... Ночь без происшествий?

– Какой-то хмырь пытался войти... Ты вовремя поменял замки.

– Пытался молча?

– Сопел.

– Это был он?

– Вряд ли... Но не исключено, – раздумчиво протянула Света. – Главное – это был не ты.

– Звонков не было?

– Я выключила телефон.

– Получается, что я тут уже под плотным наблюдением.

– С чего ты взял?

– Если он звонил в дверь, значит, знал, что ты одна в квартире. А в «Ветерке» он видел нас вместе. Ты что-то ему обо мне говорила?

– Какие-то слова были, – неопределенно ответила Света. – Может, что-то и произнесла... Тебя ведь не было два года... В Коктебеле два года – это очень много, почти жизнь. Я уж попрощалась с тобой... Если ты, конечно, позволишь мне так выразиться.

– Позволяю. Тут вот что получается... Если появился я, то он наверняка подумает, что уж мне-то ты его назовешь.

– И что из этого следует?

– Ты в опасности. Ночью он приходил, это точно. Ни один здравый хахаль после всего, что случилось... не полезет к бабе среди ночи. Это был он, – повторил Андрей. – Надо же, как быстро принимает решения... А ты не хочешь уехать отсюда? На месяц, на два... У меня в Абрау-Дюрсо есть верный человек. У него дом в ущелье... Второй этаж – твой... Здесь рядом, двести километров. Саша – верный человек, он тебя забросит. А?

– Чуть попозже, Андрей... – Света помолчала. – У меня тут хлопоты остались... Надо кое-что зачистить.

– Позавтракаем? В «Ветерке», например?

– Я не в форме... Лучше пообедаем.

– В два?

– Годится.

Все столики в «Ветерке» были заняты, но Леша в распахнутой белой рубашке, увидев Андрея, издали помахал полноватой рукой. Заходи, дескать, не робей. Он усадил Андрея за служебный столик в углу под телевизором, а его жена, не дожидаясь команды, тут же набросила на замусоленную пластмассу столика свежую скатерть.

– Пиво? – спросил Леша, присаживаясь рядом.

– Ты что?! – ужаснулся Андрей. – Я вчера недельную норму выполнил!

- Потому и спрашиваю.
- А, если так... Тогда кружка пива, наверно, не помешает... Да еще с голубцами, да?
- Заметано, – сказал Леша. – Тебя Воеводин искал.
- А откуда он знает, что я здесь?
- Андрей... – Леша помолчал, глядя на гостя с полным недоумением. – Ты что? Рехнулся от переживаний? Весь Коктебель уже знает! Только о тебе и разговоров... Щebetовка знает, Новый Свет, Судак... Я уже не говорю про Феодосию.
- Ужас какой-то, – пробормотал Андрей озадаченно.
- Ты знаешь, какие слова в воздухе звучат? Народ на ушах стоит. В милиции все допросы на сегодня по новой назначены. Мне уже из уголовного розыска ночью звонили.
- И какие же слова в воздухе звучат? – Андрей со стоном припал к холодному пиву.
- А такие слова... – Леша помолчал. – «Отец Леночки приехал... Он разберется. Он наведет шороху». Усек? А что касается Воеводина... Он же бывший мент. Ему тоже из уголовного розыска звякнули... Сегодня утром ко мне заглядывал. Зашел бы к нему, а?
- Он же где-то рядом живет?
- А вон его дом, – Леша ткнул подбородком в сторону выхода из павильончика. – У них же, у ментов, своя информация, закрытая от посторонних глаз. Поделится, куда ему деваться. И еще один человек заглядывал... Оторва коктебельская...
- Наташа?
- Она самая.
- Чем сейчас занимается?
- На набережной найдешь. Коктейлями торгует. Как увидишь толпу... Это к ней очередь. Но ближе к вечеру, где-нибудь около пяти... Узнаешь?
- Да ладно тебе. Сам же говоришь – оторва.
- Подошла Света, присела напротив.
- Надо же, – проговорила она, погладив скатерть. – Любят тебя здесь... За что, интересно?
- За хорошее поведение.
- Это у тебя хорошее поведение?
- Если у меня к тебе один только вопрос – а не выпить ли нам?... Это и есть хорошее поведение. Так что ты ответишь?
- Да. Водки. Сто пятьдесят грамм. А ты?
- Сегодня у меня пиво. Чем будешь закусывать?
- Леша знает.
- Леша действительно знал, что требуется Свете, – водку он принес в граненом стакане, отбивные с картошкой и овощами на просторных, плоских тарелках.
- Порядок? – спросил.
- Света в ответ подняла ладошку – все прекрасно.
- Обед прошел почти молча. Света выпила водку сразу, посидела не закусывая, посмотрела на Андрея повеселевшими глазами.
- А знаешь, бумажку-то твою до сих пор не разменяла... Боюсь, быстро уйдет.
- Туда ей и дорога.
- Ну... Если так, тогда ладно. – Света быстро расправилась с отбивной и поднялась. – Я убегаю, ладно? Не обижайся. Если хочешь, увидимся через час – через два. Позвонишь? Позвони. Я ожила, я в порядке. Ты и в самом деле ведешь себя неплохо, вполне заслужил белую скатерть на служебном столе. Пока! – Она махнула рукой и бесстрашно нырнула в слепящее пространство улицы.

Постояв некоторое время на выходе из павильона, Андрей перешел через дорогу и углубился в заросли кустарников. Дом Воеводина действительно был рядом, но новый человек никогда бы его не нашел. Едва Андрей вошел в калитку и ступил на мощенную кирпичом дорожку, к нему подошла громадная собака, с легким пренебрежением обнюхала, равнодушно махнула тяжелым хвостом и ушла в тень.

Появился хозяин. Кивнул приветственно, первым поднялся по железной лестнице на террасу и уже там, дождавшись Андрея, протянул руку. Красивый мужик был Воеводин, причем красота у него была какая-то киношная – таких героев, примерно пятидесяти лет от роду, любят снимать американцы в своих ковбойских фильмах. И на лошади он проскачет, и из «кольта» в монету попадет, и в кабачке без труда разберется с шелупонью, сколько бы ее там ни было.

– Что же вчера не заглянул? – спросил Воеводин, устанавливая на стол две запотевшие бутылки с пивом.

– Силы кончились.

– Да, судя по оперативным данным, ты вчера славно поработал?

– Выжил, – откликнулся Андрей. – Только что к Леше заглянул в «Ветерок»...

– Знаю, – усмехнулся Воеводин. – Мне сверху видно все. – Он махнул рукой в сторону полупрозрачного кустарника, из-за которого слышался гул улицы. Тыльной стороной ножа скрывнув пробки с бутылок, хозяин поставил на стол две пивные кружки из толстого стекла.

– Пиво, между прочим, чешское. Не только название, но и само пиво. Ребята иногда балуют меня по старой памяти.

– В порту ребята служат? – Андрей взял кружку, глухо ткнулся ею в кружку Воеводина, сделал несколько глотков.

– Служат, – кивнул Воеводин. – Как могут.

– Судя по пиву, могут. Серега... Ребята сказали, что обо всей этой истории ты знаешь больше...

– Светку видел?

– Зачем спрашивать... Оперативные сводки ты получаешь, наверно, каждый час?

– Каждые полчаса. Убивца не выдала?

– Нет... Ждет для него кары господней.

– Твоя кара и будет господней. Знаешь анекдот?... Наводнение, мужик забрался на крышу, ухватился за трубу, вокруг вода подступает... А он молится – Господи, спаси. Проплывает мимо бревно – мужик его оттолкнул. Подплывает лодка, говорят – садись. Нет, отвечает мужик, я только на Бога надеюсь. Подлетает вертолет – садись. Нет, упорствует мужик, я уж подожду божьей помощи. Ну что? Утонул. Предстал перед Богом и корит того – что же, дескать, не выручил... Я и службы в церкви отстаивал, и посты соблюдал, и исповедовался, и причащался... Ну ты даешь, мужик, говорит Господь. Я к тебе бревно подтолкнул, лодку направил, вертолет выслал... А ты?

– Хороший анекдот. – Андрей опять пригубил пиво.

– Вот так и твоя Светка... Я ей говорю – намекни, кто это сделал. Мне доказательства не нужны. Покажи пальчиком. Взглядом! Нет, отвечает, жду божьей кары. Ты, Андрей, не обижайся, но тронулась умом твоя Светка.

– Похоже на то...

– По ножу ходит. Поставь себя на место этого маньяка... Пока она жива, ему не будет спокойной жизни. Убрать ему надо твою Светку. Согласен?

– Я ей вчера замки поменял.

– Знаю. Но я вот что тебе скажу... Меня бы эти замки не остановили. Судя по тому, что он с девочкой проделал... Его тоже не остановят эти твои запоры. Одно слово – маньяк. Не наш он, не местный. Если бы он был коктебельский, давно бы засветился.

– Но чужаки тоже на виду?

– Да не так, чтобы очень... Люди разбогатели, дома строят, строители понаехали разные... Сегодня Коктебель – это совсем не то, что было хотя бы пять лет назад... Ты же ведь не каждый год здесь бываешь.

– Не кати на меня бочку, Сергей... Когда могу, бываю... Никого не кинул, ни от кого не отрекся.

– Не все так думают, Андрюша.

– А если я тебе скажу, что не я, а Света меня кинула?

– Не поверю, – твердо сказал Воеводин. – Баба не может кинуть мужика, если он сам того не захочет. Если она тебя кинула, значит, ты этого хотел. Могу сказать иначе – ты не возражал. Подожди, не перебивай. – Сергей выставил вперед крупную, жаркую ладонь. – Я знаю коктебельских девочек. Еще по прежней своей работе. У них есть недостатки, они легкомысленны и жизнелюбивы... Видишь, какие щадящие слова я подбираю, чтобы не зацепить тебя ненароком... Ты все знаешь о Свете?

– Как я могу все знать... Она сама не знает о себе все.

– Хорошие слова. Но это только слова. Она ведь сидела некоторое время... В наших казематах.

– Некоторое время – это сколько?

– Год. Ее попросту выкупили добрые люди. И я принимал в этом участие. Переписали некоторые протоколы, заменили свидетелей... Поговорили, плотно так поговорили со слишком уж принципиальными очевидцами... В общем, вытащили девочку. За отсутствием состава преступления.

– А по какой статье она проходила?

– Разбой.

– Ни фиги себе! – вырвалось у Андрея.

– Это статья звучит страшновато... А можно все подать как глупые шалости...

– Но с оружием?

– Оружие было, как мне помнится, но не в ее руках.

– А что было в ее руках?

– Если сказать красиво... Судьбы людские были в ее руках. Она ведь красивая девочка даже по нашим, коктебельским понятиям... А уж мы тут так избалованы... Ей и сейчас достаточно чуть шевельнуть мизинцем, сделать такое маленькое, почти неуловимое движение пальчиком...

– И что произойдет?

– Завтра утром этого маньяка будут находить по частям в самых неожиданных местах. Ты мне вот что скажи, Андрей... Только ты можешь мне ответить на этот вопрос...

– Кажется, я догадываюсь, о чем идет речь.

– Не надо догадываться. Я спрашиваю в лоб, как говорится... Леночка – твоя дочь?

– Не знаю. Я спрашивал у Светы... У нее тоже нет твердого ответа. Колеблется.

– Тогда я тебе дам твердый ответ. Это твоя дочь. И перестань терзать этим вопросом Свету. Она не колеблется, она знает точно. Но бережет тебя, дурака. Щадит. Я слова подбираю помягче, она делает то же самое. Не буду говорить о том, что Лена была на тебя похожа, об этом тебе скажет каждый, кто знал ее... Про ушки-конопушки знает каждая бабка на нашем рынке... Я скажу о другом. Света ведь не избавилась от ребенка. Она родила. Если бы она не знала, от кого дите... Она бы избавилась от него, не задумываясь. У вас все пошло всерьез. Сказал ты ей какие-то слова, в которые она поверила, сказал... И она поверила.

– Когда я позвонил ей весной... Она меня послала.

– И правильно сделала. Это была проверка. Она дала тебе шанс слинять. И ты этим шансом воспользовался. Слинял. С чувством правоты и легкой обиды. Света великодушно взяла вину на себя. Освободила тебя от тяжелых раздумий, колебаний, решений.

Воеводин помолчал, подвигал по столу опустевшие кружки, потом сходил к холодильнику и принес еще две бутылки. Не торопясь, откупорил.

– Ты на меня не обижайся, мы говорим, понимая друг друга...

– Да нет, все нормально, Сергей. Наверно, все, что ты сказал... Ты имел право сказать. Но я ведь не знал всех подробностей, не знал о ребенке... И потом, чего дурака валять... Меня послали – я пошел. Да, я мог прыгнуть в самолет и через три часа быть здесь.

– Ну и прилетел бы... – усмехнулся Воеводин. – Другая жизнь была бы и у тебя, и у Светы.

– Это сейчас все выглядит иначе... На фоне смерти. На фоне смерти все меняется. Я жив, значит, виноват. И любые слова, любой телефонный звонок, самый невинный поступок вдруг наливается тяжестью, значением, а то и подлостью... На фоне смерти.

– Остановись, Андрей... Не надо так круто... Жизнь продолжается. Светит солнце, в пяти минутах отсюда плещется море, у нас в кружках холодное пиво, а мы с тобой полны решимости найти эту сволочь и оторвать яйца.

– Яйцами он не отделается. Ему голову оторвать надо.

– Я имел в виду очередность, с чего начать... Не кати на меня бочку... Я должен был тебе это сказать... Чтобы ты правильно воспринимал слова, которые еще услышишь здесь. А ты их услышишь. Пиво нагревается, Андрей, не забывай про пиво. Ментовское чутье подсказывает мне – отловим. Он где-то рядом.

– Света сказала, что он заглядывал в «Ветерок», когда мы с ней были там.

– Ну, вот видишь... – Воеводин поднял свою кружку, и Андрею ничего не оставалось, как чокнуться. – Только ты, это... За Светой-то приглядывай... Пореже бы ей из дома выходить... Рискует девочка.

– Я знаю. И она знает.

– Все знают, и все за ней приглядывают. – Воеводин нажал кнопку зазвонившего телефона, молча выслушал кого-то и обронил одно только слово «понял». Отложив телефон, повернулся к Андрею: – Света на набережной. Заглянула в ресторан к Славе.

– Ничего, – проговорил Андрей, – разберемся. Как там у вас говорят... Следы всегда остаются.

– Следы-то остаются... Но наши сыскари, кроме отпечатков, ничего не нашли. А отпечатков там... Достаточно.

– Расскажи, как там все случилось...

– Как случилось... Средь бела дня Света отлучилась в Феодосию. Какие-то дела там у нее были. Лена оставалась дома. Выходила во двор, заглянула в магазин, в школу... Света вернулась часа через три-четыре. Дверь была закрыта, на звонок никто не отвечал.

– Значит, этот придурок ушел и закрыл за собой дверь на ключ?

– Да. И это была его ошибка. Он дал понять, что у него был ключ.

– Могло быть иначе, – заметил Андрей. – Ключ он взял уже дома. Лена пустила его, когда он позвонил... А уходя, взял ключ со стола. И пустил ваших ребят по ложному следу. И еще... Света сказала мне, что ключ он оставил, уходя. В дверях. И еще... В квартиру он впустил Свету, а не она его. Он дожидался Лену в квартире. Так что никакой ошибки он не сделал, у него был свой ключ. Постоянно. И в этой квартире он был своим человеком.

– Не исключено, – согласился Воеводин. – Продолжаю. Света вернулась... Заглянула на кухню, прошла в комнату. Что она увидела, описывать не буду. Можешь себе представить. После этого она вернулась на кухню, достала из холодильника бутылку водки, боюсь, что она всю ее и выпила. Позвонила мне. Я первым пришел. Вызвал наших ребят... Они были в квартире уже через десять минут. И все завертелось.

– Я могу посмотреть уголовное дело?
– Похлопочу, – кивнул Воеводин.
– И поговорить бы с патологоанатомом.
– Тяжелый будет разговор.
– Стерплю.
– Я смотрю, у тебя серьезные намерения?
– Пройдусь по полному кругу.
– Зачем, Андрей?
– Следы всегда остаются.
– Не доверяешь нашим ребятам?
– Хочу на все посмотреть с другой колокольни. Я же не отказываюсь от их поисков и находок. Ты говоришь, что собрана целая коллекция отпечатков? Гостеприимный дом был у Светы?

– Значит, так, Андрюша... Я понял смысл твоего вопроса. Да, у нее был гостеприимный дом. И я в этом доме тоже бывал. Возможно, и мои отпечатки есть в той коллекции, о которой ты упомянул. Хочешь пройти по нашему, ментовскому кругу... Отчего ж, пройдишь. Дело хорошее. Тебя везде примут и покажут все, что захочешь посмотреть. Снимки, экспертизы, заключение о вскрытии... Да, ведь он нож оставил в теле... Это уже чистое зверство... Хотел сделать побольше... Сделал. Знаешь... Я его найду. Я уже работаю.

– Значит, наши шансы удвоились. – Андрей допил пиво, подошел к краю террасы и некоторое время смотрел сквозь листву на проносившиеся по улице машины. Наконец, вернулся к столу. – Ей, видимо, приятно знать, что он как бы в ее власти. Вообразила, что он переживает, мается, не знает, как ему поступить.

– Она заблуждается. Если у нее и была власть над ним, над маньяком, то эта власть испарилась. Следы исчезают.

– Какие следы, Сергей!?

– Он был в шоке, в панике, в истерике... А сейчас уже спокоен. Два месяца назад он мог проговориться, что-то сказать по неосторожности... Сейчас его трудно будет расколоть.

– А зачем нам его раскалывать? – удивился Андрей.

– Но хотя бы для себя, не для суда. Сами-то мы должны быть уверены, что взяли того, кого искали. Андрей, мы не суд, а потому ошибаться не можем.

– Хорошие слова, – улыбнулся Андрей. – Опять же мораторий об отмене смертной казни мы не подписывали.

– Нужны признательные показания, – напомнил Воеводин.

– Будут, – заверил Андрей. – Яйца в дверь – заговорит. Похоже, они у него повышенной чувствительности, отзывчивые на нежные прикосновения.

– Ну-ну, – с сомнением протянул Воеводин.

– Я слышал, сегодня утром возле Чертова Пальца девочку нашли... Десяти примерно лет... Это правда?

– Хорошо работаешь, – озадаченно протянул Воеводин. – С тобой можно сотрудничать... Докладываю... Действительно обнаружен труп девочки. Возраст – около десяти лет. Хотя как знать... В десять лет наши девочки уже достаточно шустры... Три ножевые раны.

– Похожие? – спросил Андрей.

– Хороший вопрос, – кивнул Воеводин, разливая пиво по кружкам. – Грамотный. Отвечаю... В данный момент наши ребята этим и занимаются. Сличают. Следы, конечно, остаются, но дорого достаются. Чувствую, у тебя могут появиться зацепки... Появятся – не скупись, поделись. Договорились?

Странное все-таки место этот Коктебель. Вроде бы ничем не отличается от других на крымском побережье, но только вот тянет сюда людей, причем людей одной крови, как говаривал вождь волков Акела. И не обязательно к южному солнцу, теплему морю, к праздничному многолюдью. Вот живет, к примеру, человек в далекой зимней Москве, ходит на службу, общается с друзьями, пишет объяснительные записки начальству, в чем-то оправдывается, что-то клянчит, потупив давно уж потухший свой взор. А потом вдруг по дороге домой, увидев в окно троллейбуса вокзал, тут же выпрыгивает чуть ли не на ходу и без колебаний, раздумий, сомнений покупает билет на завтрашний поезд в сторону Феодосии. Домой он возвращается с горящими глазами, алыми щечками, порывистыми движениями, которых давно уже никто не замечал у него. А на следующий день, схватив заранее собранный чемоданчик, несется к поезду. На прощание он впопыхах чмокает куда придется жену, детишек, всех, кто подвернется в этот счастливый час, – соседку, некстати приволокшегося приятеля, почтальона с какими-то письменными угрозами от газовой, телефонной или электрической службы...

И все.

«Старость меня дома не застанет, я в дороге, я в пути», – пели мы в молодости, когда были глупыми и счастливыми. И, вперив усталый свой взор в давно уже не мытое вагонное окно, я смотрю на занесенные снегом полустанки, сумрачные, затянутые зимним туманом города, унылые и безрадостные, кажется, навсегда покинутые людьми поля... Я смотрю на все это и вижу залитое солнцем море, восход луны над коктебельским заливом, острые скалы Карадага, медленно погружающиеся в вечерний сумрак... А рядом Жора Мельник с хрустом свинчивает золотистую пробку с коньячной чекушки, а рядом Слава Ложко, потрясая своим костылем, прости, Слава, на всю набережную ругает меня на чем свет стоит за эту вот несчастную чекушку, потому через полчаса нам с Жорой выступать в его ресторане и мы не сможем быть возвышенными и трепетными, какими ему хотелось бы нас видеть. Подходит Наташа, прибегают чьи-то диковатые детишки, которые тут же разбегаются по ближайшим киоскам и уследить за их шаловливыми ручонками не в состоянии ни один продавец, ножички ли у него на прилавке, раковины, камушки...

Наступает ночь. Карадаг превращается в черный силуэт на фоне мерцающего неба, а громадная красноватая луна поднимается все выше, бледнеет, уменьшается в размерах и, наконец, сжавшись и окаменев, зависает у нас над головой неестественно и страшновато...

А потом вдруг оказывается, что чекушка позорно мала, и запорожский казак Иван Иванович, потрясая над головой золотистой граненой бутылкой, победно пробирается к нам сквозь толпу, и мы понимаем – ничто его сейчас не сможет остановить, отвлечь, увлечь... Разве что шаловливые стихи Жоры Мельника...

Который день не пью – какое время!
Знакомых узнаю. Исчезло бремя
Похмельных дел с утра и прочих рвений.
Волшебная пора для вдохновений!
Который день не пью – какая мука!
Жизнь трезвую мою обвила скука!
Я – дикая лоза, я в клетке птица.
Ну, что еще сказать? Хочу напиться!
И вот декабрь.

Идет мелкий морозящий дождь. Совершенно пустая набережная. От могилы Волошина на холме до профиля Волошина на Карадаге ни единой души. Невидимая в темноте, шуршит зябкая волна. Промокнув насквозь, уже в сумерках бреду к «Камелоту». Окна только этой кафешки чуть светятся в тумане. Вжавшись в дальний угол, сидит единственный посетитель

– печальный Жора. Перед ним чекушка, и в ее гранях играют золотистые блики от постреливающих поленьев камина.

– Жора, ты как здесь оказался?!

– Понимаешь, это... Жду весну.

– Так декабрь за окном!

– Вот и жду. А тут ты появился... Почти весна.

– А мне завтра на московский поезд!

– Садись... Дождемся.

Какое счастье!

Но это декабрь.

А сейчас июль – самый жаркий месяц, самое яркое солнце и самые красивые красавицы, съехавшиеся со всех концов нашей необъятной, но дождливой и туманной родины. А каков бытующий здесь закон – если уж приставать к девушке, то выбирать надо бледнокожую – у нее весь отпуск впереди. А загорелые не завтра-послезавтра уедут.

Сам того не замечая, Андрей присматривался не к девушкам в прозрачных туниках, а к девочкам – с кем идут, какие у них отношения с папами, с дядями, с прохожими. Все случившееся с Леной он невольно примерял к этим веселым, визжащим существам, и день уже не казался ему столь же ярким и праздничным, как для этих утомленных солнцем и морем отдыхающих, загорающих, выпивающих. В какой-то момент ему показалось, что впереди идет Лена, он даже прибавил шагу, почти догнал девочку, уже протянул было руку, чтобы коснуться ее плеча, и, только когда она повернулась, спохватился.

– Ну, ты даешь, Андрюшенька, – пробормотал он про себя. Девочка ничего не заметила, да и женщина, с которой она шла, не обратила на него внимания. – Так и вляпаться недолго.

Наташу он нашел там, где и предполагал: возле ресторана «Зодиак» было сооружено нечто вроде соломенно-деревянного скворечника. Сбоку мастера проделали дыру, внутри установили прилавок, а сверху прицепили надпись «Коктейли на все случаи жизни». Тут же висела бумажка со списком этих самых коктейлей: «Сократ», в скобках состав коктейля – цикута на текиле. Среди компонентов упоминался и яд гюрзы, и выжимка из гадюки обыкновенной, из волчьего вымени. Торговля шла бойко, жизнерадостные ребята охотно поглощали все это, понимая, что все эти ужасы ничем им не грозят. Что делать, нам нравятся опасности на экране, угрозы на невинной бумажке, людоеды в сказках, а особенно маньяки за решеткой в зале суда. У них такой печальный вид, такие они несчастные, что совершенно невозможно представить себе человеческую кровь, стекающую с их небритого подбородка. Видимо, и в заключении у них такой же скорбный вид, если уж суровое тюремное начальство отпускает их через год-второй на свободу за примерное поведение.

За прилавком темноволосая красавица весело смешивала в высоких стаканах смертельные яды, желала покупателям доброго здоровья и любвеобильного отдыха. Когда она слишком уж заговорила с парнем, какой-то мужичок, из хмурых и суровых, возроптал:

– Девушка, нельзя ли побыстрее?!

– Нельзя! – неуживимо улыбнулась Наташа.

– А я все-таки попрошу вас меньше отвечать на глупые приставания.

– От тебя-то я уж точно приставаний не дождусь. Ни умных, ни глупых.

– Это почему же?

– Вон зеркало напротив – полюбуйся! О, привет! – Наташа увидела Андрея и помахала рукой, приглашая подойти поближе. А когда Андрей приблизился, протянула ему стакан с коктейлем. – Чистейшая цикута на текиле! Рекомендую! Прошу очередь не занимать – перерыв на обед по случаю приезда дорогого гостя из Москвы! Все слышали? Эй ты, который брюзжал... Пусть за тобой никто не занимает. Яды кончились, остался кефир и скисшее молоко. Кобылье, между прочим. Кумыс называется.

Наташа присела рядом с Андреем минут через пятнадцать.

– Как цыкута?

– Пока жив.

– Когда приехал?

– Вчера.

– У Светки остановился?

– Не пожелала.

– Что так?

– Отвыкла, говорит.

– Она ото всех отвыкла. Но сейчас уже ничего, с ней хоть разговаривать можно. А тогда...

Как неживая. Смотрит на тебя и не слышит ничего, что ты ей говоришь. Будто с того света с ней общаешься. Или она уже на том свете. А сейчас уже от коктейлей моих не отказывается. Текилу предпочитает. Водка, говорит, никакого хмеля не дает, только дурь в голове и аппетит. И ничего больше. А текилу уважает. К нам надолго?

– Как получится.

– Тут слухи о тебе разные...

– Что говорят?

– Папаша приехал, говорят. Это ты, значит. Будет правду искать.

– Что это за тип вон там ошивается? Полноватый такой... Возле калитки.

– Ты стал подозрительным.

– Я второй день подозрительный.

– Он не за тобой присматривает. Он на меня глаз положил.

– А ты?

– Не мой человек.

– Он знает, что он не твой человек?

– Я ему об этом говорю каждый день.

– Как его зовут?

– Амок.

– Где-то я слышал это имя...

– Это не имя. Это кличка. Иногда я называю его Амиком... Но это уже ласкательное.

– Он с Кавказа?

– Да нет... Приблудный. Приехал как-то в море поплескаться и остался.

– И чем занимается?

– За мной по пятам ходит.

– И все?

– Представь себе – и все.

– Как я его понимаю, – непритворно вздохнул Андрей.

– Не надо тебе его понимать. С собой разберись. И с бабой своей.

– Она давно уже не моя.

– Знаешь, что я тебе скажу, Андрюшенька... – Наташа в упор посмотрела Андрею в глаза, и он не мог не почувствовать блудливую магию, которая исходила из ее глаз. – Я вот что тебе скажу, Андрюшенька...

– Я вижу, тебе нравится так меня называть?

– Дело не в этом... Я вижу, что тебе не нравится, когда тебя так называют...

– Дразнишься?

– Да. Дразнюсь. Так вот что я тебе хочу сказать... Не торопись от Светки отрешиваться или, лучше сказать, отречься. Поздно. Кровь вас породнила. Ленкина кровь. И это уже навсегда. Будете вы встречаться или не будете, на нашей набережной столкнетесь или на Елисейских

Полях... Или вообще больше никогда не увидите... Все это неважно, Андриюшенька. Она навсегда останется твоей бабой, которую ты кинул в свое время.

– Она сама меня послала.

– А ты и рад? Не надо мне пудрить мозги, Андриюшенька, – опять со вкусом произнесла Наташа. – Вот этого Амика, – она выбросила вперед обнаженную загорелую руку, и Андрей не мог не подумать – красивая рука, – вот этого Амока я посылаю десять раз на день. Понял?! А он – вот он.

– Ты хочешь сказать...

– Заткнись! Когда я хочу сказать, я говорю! Открытым текстом!

– Ты сейчас обалденно красивая, – вырвалось у Андрея.

– Я знаю, – смягчилась Наташа. – И ты знаешь. И он знает. – Она опять выбросила вперед руку в сторону полноватого парня. – И они знают. – Наташа показала на очередь, которая терпеливо ждала ее возвращения к ядам гюрзы, гадюки, тарантула и скорпиона. – Думаешь, им всем так уж хочется коктейля хлебнуть с этими глуповатыми названиями?

– Чего же им хочется?

– На улыбку мою приходят полюбоваться. Словечком со мной перебраться. И не потому, что моя улыбка что-то им там сулит, вовсе нет – она всего лишь искренняя. Если я им улыбаюсь, то и мне с ними весело. И еще одну вещь я тебе скажу... Пока они мной не налюбуются похотливыми своими глазками, собственную бабу обнять не могут.

– Почему?

– Желания в них такого не возникает.

– А когда на тебя посмотрят, то возникает?

– Да! Ты и сам это знаешь, по себе чувствуешь... На меня гляючи, они вспоминают, кто они есть на самом деле.

– А кто они есть на самом деле?

– Мужики. А если точнее – самцы. – Наташа шало посмотрела в упор на Андрея. – Ну и что ты сейчас чувствуешь?

– Я чувствую, что ты тоже хлебнула текилы с цикуттой, – смешался Андрей, и в самом деле ощутив исходящий от Наташи какой-то там зов, для которого и слова-то приличного не подберешь, чтоб в обществе его можно было произнести, не осрамившись. – Признавайся, это ты придумала все эти названия?

– Ха! Я их меняю каждые три дня. Представляешь, все вдруг кинулись пить коктейль «Убойный». А он самый дешевый, мне невыгодно его продавать. И я переименовала его в «Сиротский». И все, полный порядок. Его уже никто не заказывает. – Наташа рассмеялась, а Андрей подумал – и с зубами у нее полный порядок. – И еще одну вещь хочу тебе сказать... Вот ты не знаешь, как сейчас на меня смотришь. А Амок знает. Он наверняка захочет с тобой познакомиться поближе.

– Это будет опасное знакомство?

– Ничуть. А вот продолжение этого знакомства... Как знать, чем оно для тебя обернется... Амок! – крикнула Наташа. – Подойди, пожалуйста. О тебе разговор.

Парень легко подошел, улыбнулся, протянул Андрею руку.

– Я уже знаю, Андреем тебя зовут. А я – Амок. Кличка у меня такая... Одного шизика так звали, от любви умом тронулся... Так вот я – второй.

– Будешь первым, обещаю! – рассмеялась Наташа.

– Я тоже тебе обещаю. Будешь первой.

– Я уже первая!

– Это еще не все знают, – без улыбки произнес Амок.

– Главное, чтобы это знал ты.

– А вот здесь ты можешь быть спокойна.

– Ладно, Амик, отвали. Нам надо еще немного пошептаться.

Андрей вслушивался в слова Наташи и вынужден был признать, что, несмотря на вызывающую грубоватость тона, ее слова не звучали обидно, оскорбительно, они были даже лестны, как бывает лестным самый крутой мат начальника, когда он же вручает тебе премию за хорошую работу.

Амок махнул приветственно рукой и отошел к своей скамейке в тени акаций..

– Слушаю тебя внимательно, Андрюшенька, – сказала Наташа посерьезнев.

– Хочу найти этого маньяка.

– Зачем?

– Ему надо кое-что оторвать.

– Яйца? – уточнила Наташа.

– Считаю, что это программа минимум.

– Хорошее желание. Оно многих здесь посещает. Но Светка молчит. Она что-то там бубнит про божью кару, но это все чушь. То ли сама хочет привести эту кару в исполнение, то ли не знает, кого подвергнуть... И боится ошибиться. Есть и еще объяснения, но они уже из области мистики.

– Например?

– Ну, что ты у меня спрашиваешь, – беспомощно проговорила Наташа. – Придумай сам что-нибудь... Мистика позволяет. Может, она его простила? Может, перевоспитывает...

– Да ладно тебе, – отмахнулся Андрей. – Такое не прощается.

– Как знать, – умудренно протянула Наташа.

– Ну, она же с кем-то встречалась, общалась, прогуливалась... Что же, никто не видел, с кем именно она шашни крутит? В Коктебеле ни у кого нет тайн друг от друга!

– Значит, есть. Если бы они встречались-прогуливались, как ты говоришь, его давно бы уже взяли. А так... Или он к ней по ночам приходил, или она к нему. Скорее, приходил все-таки он. И положил плотоядный свой глаз на Лену. Я пыталась Светку разговорить... Молчит, как... Как наш Чертов Палец.

– Но он здесь? В Коктебеле?

– А теперь-то чего ему бояться? Следов преступления на нем нет. Кровь смыл, все остальное тоже. Андрей, если что-нибудь пронюхаю, доложу немедленно. Ты ведь у Веры остановился? Заметано. Где меня найти, знаешь, телефон, адрес тоже... Всегда рада с тобой повидаться, сегодня ты заметил далеко не все мои неувядающие прелести. Ладно, пока! Яды ждут! – зловещим голосом проговорила Наташа, кивнув в сторону очереди.

– Приходи вечером к голубой скамейке, вон к той, у парапета... Место встречи изменить нельзя. Жора подойдет, Слава... Или у тебя другие планы?

– Подгребу, – нарочито суровым голосом заверила Наташа.

– И Амок будет?

– Как обычно. Но в сторонке. Пока! – Она махнула рукой.

Андрей проводил ее взглядом, полюбовался оживившейся очередью за коктейлями и направился вдоль набережной к автобусной станции.

В этом сезоне у приезжих красавиц модным стало оборачивать юные свои бедра полупрозрачным куском ткани с причудливыми узорами – крабы, паруса, бокалы с вином, облака, карадагские скалы и прочие соблазны коктебельской жизни. Все это уже воспел Жора, и небольшие его книжечки можно было частенько заметить в ухоженных руках даже далеко не юных пляжниц. Чем-то задевал он своими шаловливыми строками женские души, затаившиеся в тучных складчатых телах.

На автостанции Андрей сел в первый же автобус в сторону Феодосии и через полчаса бродил по солнечным и пустынным улицам этого древнейшего города Черноморского побережья.

Патологоанатом встретил Андрея молча. Не поднимаясь из-за стола, кивнул на приветствие, махнул рукой в сторону свободного стула, садись, дескать. Это был пожилой, худощавый, загоревший человек. Похоже, он все свободное время проводил на пляже, с мая по сентябрь включительно – только так можно было загореть до такой черноты.

– Мне звонил Воеводин, – наконец произнес он. – Обстановку доложил. Я подготовил документы. – Он придвинул к краю стола тощую картонную папочку. – Кстати, меня зовут Аркадий. Евгеньевич.

– А я – Андрей.

– Очень приятно. Снимки в этой папке далеко не пляжные, но вы уж наберитесь духу. Вы – отец этой девочки?

– Во всяком случае, народ в этом уверен.

– Народ всегда прав, – заметил Аркадий. – Особенно, когда не прав. Согласны?

– Конечно, – пожал плечами Андрей. Он развязал тесемки, открыл папку. Там лежало заключение о вскрытии и несколько больших цветных снимков.

– Хороший у вас фотограф.

– Пляжный.

– В каком смысле? – не понял Андрей.

– В прямом. Я все говорю в прямом смысле. Работа обязывает. А фотограф пляжный в том смысле, что он на пляже девочек фотографирует. Им нравится. И снимки, и фотограф. Он ничего так мальчик, мачо, как сейчас говорят. Авось выживет.

– А может и не выжить?

– Запросто. В курортных, южных городах мало кто выживает. И из мужчин, и из женщин.

– Что же с ними случается?

– Плывут.

– В море? – уточнил Андрей.

– В море заплывают, а плывут в жизни. Вы снимки-то посмотрите, не робейте. Для нового человека они, конечно, страшноватые, но пройти через это надо, уж коли вы добрались до меня.

Андрей, превозмогая себя, просмотрел все снимки, их было семь-восемь. В увеличенном размере они действительно производили жутковатое впечатление. И даже не раны ошеломили Андрея, а лицо девочки. Он, кажется, только теперь понял, что пыталась сказать ему Света, когда говорила, что Лена с каждым днем на снимке как бы оживает, что взгляд становится осмысленнее, чуть ли не веселее. На снимке она и в самом деле улыбалась, но это была гримаса предсмертной боли.

Завязав тесемки на папке, Андрей аккуратно положил ее на край стола. Аркадий Евгеньевич взял ее, сунул в ящик.

– Вы спрашиваете, что случается с мужчинами и женщинами в южных городах?.. Повторюсь... В море они заплывают, а по жизни плывут. Мало кто выдерживает богему пляжного сезона – безделье, распутство, пьянство и прочие соблазны приморской жизни. Дети, которые вырастают в этой обстановке, которые видят это ежегодно, волей-неволей начинают принимать эту жизнь, как единственно достойную, более того, единственно возможную. Они ведь не думают о том, что человек год копит деньги, чтобы здесь спустить их за две-три недели. Здесь не может состояться поэт, художник, ученый, просто мастер в каком-либо деле. Да, здесь мелькают знаменитости, но они состоялись где-то там, на севере, а на наших берегах или доживают свой век, или ухлестывают за женщинами.

Андрей хотел было что-то сказать, но анатом его перебил:

– Я не отвлекаюсь, я говорю о содержании той папки, которую вы только что держали в руках. Мне пришлось несколько раз поговорить с матерью этой девочки, она приходила ко мне... Светлана ее зовут... Она ведь тоже поплыла, тоже не выдержала напора пляжных сезонов. И то, что случилось...

– Да, я знаю, – сказал Андрей.

– Мне Воеводин кое-что приоткрыл в этой истории... Наверно, иначе и не могло получиться... у вас... с этой женщиной. Простите, что я берусь об этом судить.

– Да ладно, судите.

– У местных девочек случаются соревнования – кто больше снимет приезжих мальчиков за сезон... И это не проститутки, нет, они бескорыстны... Просто шаловливы. А потом эта шаловливость становится привычкой, натурой, характером, судьбой. Девочки ошибаются, думая, что это они снимают. Снимают все-таки их. И после этого требовать каких-то жизненных устоев, верности, преданности... Видимо, вы через это прошли?

– Видимо, – кивнул Андрей. – От чего она умерла?

– Множественные ножевые ранения. Несовместимые с жизнью. Болевой шок.

– Ее насильовали?

– Да. И еще... Я могу говорить?

– Конечно, – кивнул Андрей. – Я за этим и приехал сюда.

– За чем?

– Чтобы узнать все.

– Зачем вам нужно знать все?

– Чтобы быть свободным в поступках.

– Чтобы ни в чем не сомневаться и не колебаться, когда вы его поймаете? – в упор, глядя на Андрея, спросил Аркадий Евгеньевич.

– Да.

– Ну что ж, это объяснимо. Тогда я вам добавлю немного уверенности...

– Только не скупитесь.

– Я не исключаю, что после всех ножевых ранений она была еще жива. Ее задушили. Преступник понимал, что ее нельзя оставлять в живых. И еще...

– Говорите. – Андрей уставился в пол.

– С маньяками это случается... Иногда они стремятся получить удовольствие именно в те секунды, когда жертва бьется в предсмертных судорогах... Вы понимаете, что я хочу сказать?

– У вас выпить нечего? – спросил Андрей.

– Хороший вопрос. – Аркадий Евгеньевич открыл дверцу тумбочки стола, вынул початую бутылку коньяка, два граненых стакана, расположил все это на своем столе, сделал приглашающий жест рукой – придвигайся, мол, поближе. – Для человека моей профессии коньяк средь бела дня простителен.

– У меня такое впечатление, что он вам простителен в любое время суток. И в любом количестве.

– Спасибо на добром слове, конечно... – Анатом разлил коньяк в стаканы, хорошо разлил, не скупясь. – Будем живы, Андрей. – Из ящика стола он вынул очищенный грецкий орех, разломил его, половинку протянул Андрею.

– За справедливость, – сказал Андрей.

Коньяк оба выпили до дна, зажевали орехом, помолчали.

– Хочу уточнить твой тост, Андрей... Ведь мы можем говорить на «ты»?

– Конечно.

Аркадий вынул папку из стола, подержал на руке и снова сунул в ящик, решив, видимо, что снимки, которые лежали внутри, не стоит рассматривать слишком часто.

– Ты предложил выпить за справедливость. Я не возразил. Но несколько слов добавлю... Великодушие, доброта, готовность простить, забыть обиду... Все это не имеет ничего общего со справедливостью. Помиловать – это нарушить справедливость, проявить великодушие – это значит наплевать на справедливость.

– Что же тогда справедливость? – спросил Андрей.

– Это око за око, зуб за зуб – так говорили древние мудрецы. Справедливость сурова, а часто попросту кровава.

– Это значит...

– Это значит – смерть за смерть, – сказал Аркадий и разлил остатки коньяка по стаканам. – Согласен?

– Я его найду, – ответил Андрей словами, которые за последние дни произнес уже не первый раз.

– Он левша.

– Это точно?

– Он нож держал в левой руке. И зубы у него не слишком хороши.

– Он ее еще и кусал?!

– Чего не сделаешь в порыве страсти, – печально произнес Аркадий. – Давай, Андрей, еще по глоточку... С моими клиентами не выпьешь, с ними и поговорить-то толком не всегда удается.

– Но иногда удается? – удивился Андрей.

– Очень редко. Это уж если хорошо выпить. Тогда мне неважно, что они отвечают и отвечают ли вообще. Давай... За справедливость... Как мы ее понимаем. Ведь мы все выяснили? У нас нет расхождений в толковании этого понятия?

– И не будет, – твердо произнес Андрей, осознав вдруг, что начал хмелеть. – Да! Аркадий, – вспомнил он, поставив пустой стакан на стол. – Я слышал, вчера недалеко от Коктебеля девочку нашли? У Чертова Пальца.

– Нашли то, что от нее осталось.

– Это он?

– Есть основания так предполагать.

– Значит, не успокоился?

– А эти ребята не успокаиваются, – неожиданно трезвым голосом произнес Аркадий. – Он может отсидеть десять лет за колючей проволокой, а выйдя на свободу, в первый же вечер... Ты понял, да? В первый же вечер отправляется на охоту. Он об этом мечтает все десять лет. Говорят, что горбатого могила исправит – это про него, про нашего с тобой клиента. Поэтому уголовные дела, связанные с убийствами на сексуальной почве, никогда не закрываются. Сколько бы лет ни прошло после преступления. И еще скажу тебе... Ребенка младшего школьного возраста, убившего кошку, собаку, морскую свинку... уже надо ставить на учет.

– Сексуальный преступник подрастает?

– Не обязательно сексуальный, но то, что преступник... Без сомнения.

– И его нужно изолировать?

– Не надо его изолировать... Но он требует очень пристального внимания к себе.

– Вы сказали, что у него зубы неважные?

– Верхние. Нижние в порядке. Хотя времени прошло достаточно, он мог и мост поставить. А верхние зубы ему скорее всего выбили. Таким ребятам время от времени бьют морды... Достается в первую очередь верхним зубам.

– Он мог и уехать? – спросил Андрей.

– Конечно, мог... Но знаешь... Они обычно привыкают к одному месту, притираются... А потом, что значит уехать?.. Уехать – это засветиться. Неожиданный отъезд всегда обращает на себя внимание. Возникают вопросы – почему вдруг уехал, что случилось?.. Ведь эта зверюга

среди людей живет, приспосабливается, старается на человека походить. Но это не всегда у них получается. Звериное нутро наружу лезет, показывает себя, заявляет о себе.

– Рычит? Лает? Воеет?

– Нет, все тоньше. Он скорее даже как бы... ластится. Льнет. Понимая где-то внутри себя, что все-таки не такой, как все, что все остальные ему враги. Смертельные. Ведь узнают – в ключья разорвут. В самом прямом смысле слова. И он всем враг. Поэтому, как бы ни выглядел, каким бы ни казался, но в его поведении обязательно проявляется некая... надсадность. Неестественность. Самые невинные слова он произносит не то чтобы через силу, а обдумывая и прикидывая – не говорит ли чего лишнего, разоблачающего. Меня можно понять?

– Вполне.

– И тут возникает одно обстоятельство... Ведь он совершает свое деяние... Как бы это сказать поточнее... В смещенном состоянии сознания. Он не вполне в себе, поэтому ему важно знать, как его преступление воспринимается людьми, что о нем думают, оставил ли следы, есть ли опасность опознания...

– Время работает на него? – спросил Андрей.

– Конечно. Он успокаивается, возвращается в нормальное состояние и уже может участвовать в разговорах о нем же, не выдавая себя, не срываясь на мелочах. Он уже себе нравится, готов восхититься своей неуязвимостью.

– Мать погибшей девочки, Света... Она говорит, что знает его, но не хочет выдавать, пусть, дескать, его постигнет божья кара.

– Не верю, – решительно сказал Аркадий. – Не верю. Я помню эту Свету. Мне кажется, все сложнее... Она не может признать, что ввела в дом и доверилась совершенно незнакомому человеку и этим самым обрекла дочь на такую участь. Я говорил о нравах курортных городов – все легко и просто, все хмельны и веселы, у всех есть деньги на коньяк... Достаточно улыбнуться, рассказать анекдот, коснуться локоточка – и все! Нового знакомого уже можно вести к себе на ночь.

– Думаете, Света из них?

Аркадий помолчал, вскинув брови, словно удивился вопросу, потом поднял с пола бутылку, убедился, что она пуста, и снова задвинул ее в угол.

– На этот вопрос лучше ты мне ответь. А я отвечу на другой, который ты еще не задал... Она не знает этого маньяка. В смысле – кто он, откуда, чем занимается, как его зовут... Скажу жесткие слова – ей и не нужно было все это знать, когда она приводила его к себе на ночь. Она помнит имя, которым он назвался, и этого обычно бывает достаточно. Я допускаю, что она даже не хотела знать, как его зовут по-настоящему... Вот и все.

– Сурово, – пробормотал Андрей.

– Не забывай, с кем разговариваешь. Я трупы вскрываю. Мне простительны слова, которые нормальным людям могут показаться суровыми.

– Как вы относитесь к мистике? – спросил Андрей неожиданно для самого себя. Он даже не осознал, откуда возник этот вопрос и что за ним стоит. Но какая-то работа в нем уже шла, он уже подбирался к будущим своим решениям и поступкам.

– Положительно! – не задумываясь, ответил Аркадий. – Я уже говорил тебе, что иногда разговариваю со своими клиентами. – Он ткнул большим пальцем куда-то за спину, где, очевидно, и располагался морг.

– И они что-то отвечают? – спросил Андрей.

– Отвечают, и по делу! Их голосов я не слышу, Бог не дал им речи. Вернее, Бог речь у них отнял. Но в моем сознании их ответы звучат. Я слышу то, что им хочется произнести.

– Вы сказали, что говорят они по делу... Вы имели в виду – по уголовному делу?

– Они отвечают по смыслу. В ответ на мои слова, к ним обращенные.

– С Леночкой не пришлось поговорить? – негромко спросил Андрей.

– Пришлось.

– Она сказала что-нибудь по делу?

– Да. Сказала, что его зовут Миша. Почему-то у меня в сознании возникло имя Миша. Но сейчас у него другое имя, он никому не говорит, как его зовут по-настоящему. Так она сказала... Значит, уже затевал злодейство. Но, с другой стороны, знаешь, есть люди, которые постоянно представляются чужими именами без всякой задней мысли. Например, назвали его папа с мамой Серафимом, а ему нравится быть Сергеем.

– Как бы там ни было, но при удачном расположении звезд это тоже может оказаться следом.

– Мне больше нравится говорить не о звездах, а о картах. Все зависит от того, как легла карта.

– Я еще загляну к вам, ладно? – Андрей поднялся.

– Конечно, заходи. Всегда рад видеть тебя... Живым.

– Мне что-то угрожает?

– А ты сам не догадываешься? Стоит тебе в своих поисках приблизиться к нему, он сразу это почувствует. Они, эти маньяки, видишь ли, чувствительны, – усмехнулся Аркадий. – Но при этом безжалостны. Хотя нет, я неточно выразился... Они не безжалостны, просто у них нет жалости. Безжалостно может поступать человек, у которого жалость в душе ли, в характере все-таки есть. Так что береги себя. Им нечего терять.

– Вы не первый, кто говорит мне это.

– Ничего удивительного. Эта мысль просто носится в воздухе.

– Я бы сказал, что эта мысль висит в воздухе, как хороший, полновесный топор.

– И так можно сказать, – Аркадий поднялся, пожал Андрею руку. – И Свету предупреди – в опасности девочка. А я... Поскольку мы с тобой слегка выпили... Пойду поговорю со своими... Может, чего дельного скажут. – Аркадий похлопал Андрея по плечу.

Андрей с облегчением вышел из сумрачного помещения и некоторое время стоял на крыльце, ожидая, пока из него выветрится сероватый, сыроватый воздух морга. И единственная мысль, которая пришла ему в голову, пока он, зажмурившись, стоял, подняв лицо к солнцу, была такая: «Надо срочно звонить Равилю».

Он бы ни за что не вспомнил об этом человеке, о давнем своем друге, если бы не мистические откровения Аркадия, если бы не его рассказ о том, как он беседует иногда с покойниками, что они могут даже что-то сказать об обстоятельствах собственной смерти.

Если об этом задуматься здраво и спокойно, то нужно признать, что мистического в этом не так уж и много, если вообще что-то мистическое здесь присутствует. Все мы частенько разговариваем с людьми, которые от нас в данный момент далеко, мысленно разговариваем, мысленно. Мы ссоримся с ними, выясняем отношения, миримся, прощаемся, объясняем в любви и ненависти. И опять же, не всегда эти люди живы, часто их давно уже нет на земле. Но наши отношения с ними не прекращаются, мы продолжаем доказывать им свою правоту или каяться в том, что натворили десятки лет назад. Бывает, они нас прощают, а случается, припоминают такие подробности давних наших поступков и проступков, что хочется уже не мысленно, а криком кричать, пытаюсь что-то доказать, в чем-то повиниться...

Поэтому слова Аркадия Андрей принял как нечто естественное, что происходит время от времени с каждым, независимо от того, выпьет ли человек перед этим коктейльского коньяка или парного молока...

– Не в этом дело, не в этом дело, – проговорил Андрей вслух. – Как только дело выходит за пределы здравого смысла – анатом беседует с мертвецами, жертва преступления помышляет о божьей каре, на набережной стоит очередь за коктейлями с цикутой и ядом гюрзы, человек по имени Амок подыкает по веселящейся блуднице, среди загорелых пляжниц бродит маньяк, высматривая девочку десяти неполных лет...

Самое время позвонить Равилю.

Как выразился однажды Пифагор... Если за окном начинается рассвет, а гости твои от вина и яств уже не могут подняться, и никто из них не может внятно произнести ни единого слова, а юные гетеры, разметавшись на коврах, спят сладким сном... Самое время позвать виночерпия.

Поистине только великий человек мог произнести такие слова. Впрочем, слова могли быть и другие, но за мысль ручаюсь.

Все, Равиль... Твой час пробил, собирайся в дорогу.

Ну что, ребята, сказать, для подобных вечеров есть только одно слово, которое может хоть в какой-то степени отразить их суть, – упоительность. Во всех смыслах этого слова. И в греховном тоже. Где-то над Тихой бухтой из-за Хамелеона поднималась вызывающе громадная и до неприличия красная луна. Прошло совсем немного времени, и она отразилась протянувшейся к самому берегу соблазнительной лунной дорожкой, влекущей и обещающей что-то там совершенно невероятное – сладкую тревогу, радостное безумие касания тел, к которым стремишься ты и которые стремятся к тебе, будоража прохладой и жаром...

Так бывает, ребята, так бывает. Именно противоположные по значению слова часто наиболее правильно, полно, до сладкой боли в груди и создают, и отражают редкие счастливые мгновения, случающиеся с нами в этой жизни. Впрочем, на это способны не только слова, но и поступки... И встречи... И прощания... И вышеупомянутые касания.

Да, прохлада и жар.

Небольшая площадь залита огнями, забита торговыми прилавками, украшена сотнями пылающих и пышущих свежим загаром юных тел – а июльским вечером здесь, на коктебельской набережной, других тел и не бывает. И все они радостны, хмельны и счастливы. Сколько бы им ни было лет, какие бы трагедии ни зарождались, ни клубились в их душах.

Хотя, если честно, счастливы, конечно, не все.

По себе знаю.

Хорошо так, убедительно и беспросветно, подышал я не однажды именно в такие вот вечера. А если бы не подышал я в свете красной луны, на фоне все той же лунной дорожки... А если бы не подышал я по той простой причине, что кто-то поганый, рыжий и кривоногий оказался на несколько десятков лет меня моложе, если бы не выпивал я коньяк прямо из горлышка бутылки и до дна, до дна, и не прокусывал от безысходности насквозь свою же достаточно поношенную шкуру...

Вам знаком вкус собственной крови? Будет случай, попробуйте, хлебните, не помешает – чтобы знать себя на вкус и знать, кто ты есть на самом деле. А то все заблуждаетесь, в иллюзии впадаете, в глупые, хотя и красивые мечты, на зов откликаетесь, искренний, между прочим, зов...

Не надо, ребята, не надо. Повторяю – не заблуждайтесь.

Так вот, если бы не подышал я в свете красной луны, на фоне лунной дорожки, если бы не выл я у голубой скамейки на ту же луну...

То и не сел бы за этот роман.

А так вот пожаловался на жизнь, и отпустило маленько. Снова небо увидел, шум ветра за окном услышал, крики голодного кота... Жизнь потихоньку начала в меня просачиваться. Опять же радость нечаянная, весточка случайная – поганый, рыжий и кривоногий ушел из ее жизни, а значит, и из моей тоже...

Ладно, возвращаемся к роману. Что там у нас... Вроде слова о голубой скамейке проскочили? Вот возле нее и соберемся.

Когда Андрей подошел к скамейке, Наташа уже была там, рядом сидела Света, недалеко на теплом парапете расположился Амок. Раздвигая полуголую толпу мощной своей грудью, подошел Слава. С улыбкой осмотрел всех, хмыкнул.

– Тут собиралась компания блатная, – произнес он нараспев. – Тут были девочки Маруся, Роза, Рая... Какие новости на нашем фронте?

– Без перемен, – ответил Андрей.

– В Феодосии был?

– Был, с Аркадием разговаривал.

– Есть зацепки?

– Появились.

– Позже расскажешь. Мне тоже есть чем поделиться. Вроде бы вокруг полная безнадега, но в болоте беспросветности начали появляться кочки, на которые можно опереться, на которых можно отсидеться, а то и осмотреться. – Все-таки Слава писал стихи, и мог иногда выразиться красиво. – Да, Света?

– Как скажешь, Слава, как скажешь, – Света кивнула и, словно бы ища поддержки, положила ладонь на колено Наташи.

– Жизнь продолжается, – твердо произнес Слава, словно бы сразу пресекая возможные возражения. – И будет продолжаться еще некоторое время. Это я вам обещаю.

– Спасибо, Слава, – обронила Света чуть слышно, но была в ее голосе непокорность, а то и усмешка.

Слава услышал, но промолчал.

Подошел Жора.

– Ну вот, опять луна в Стрельце – быть мне с фингалом на лице, – проговорил он, устанавливая свою черную сумку на парапете. – А почему трезвые?

– Тебя ждали, – ответил Слава.

– Тогда я пошел.

– Возвращайся быстрее, – напутствовал его Слава. – Ждем. С недорогим сухим, разбавленным вином, – он произнес строчки из стихотворения Жоры и этим как бы смягчил суровость своего тона.

– Мне Коктебель не по карману, – ответил Жора тоже своей строчкой.

– Добавить?

– Перебьюсь, – отмахнулся Жора. – Стихи нельзя воспринимать с практичным прищуром.

– А как же прикажешь относиться к твоим сочинениям?

– Восторженно и с придыханием. Как если бы ты объяснялся в любви, заранее зная, что тебя пошлют подальше.

– Подобное знакомо только тебе, – не оставался Слава в долгу.

– У меня другая информация...

– Клевета злопыхателей! – взревел Слава в непритворном гневе, но Жора уже скрылся в толпе. Появился он минут через пять, держа в руках две холодные бутылки алиготе, а на горлышко каждой были надеты по несколько пластмассовых стаканчиков.

– Смирился с тем, что я не гений – нехватка серости в мозгу, – бормотал Жора, открывая бутылки и разливая вино по стаканчикам. – Но с тем, что не хватает денег, никак смириться не могу...

– Может, и хмыря твоего пригласить? – спросил Слава у Наташи, кивнув в сторону Амока. – А то не по-людски как-то...

– Не надо, – кратко ответила Наташа.

– Доиграешься, девочка. Не надо бы так...

– Мне есть с кем выпить.

– Чувствую, не с теми пьешь.

– Ты еще можешь что-то чувствовать? – удивилась Наташа.

– Хочешь убедиться?

– Чуть попозже.

– Я подожду, – ухмыльнулся Слава.

– Кончай трепаться, – жестковато произнесла Наташа, поняв, что игривый разговор зашел далековато.

– Вот то-то и оно, – удовлетворенно ответил Слава, одержав в этом перебрехе маленькую победу – во всяком случае, ему так показалось. – А стаканчик я ему поднесу.

– Не возьмет.

– Спорим?

– Проиграешь.

– Проиграть красивой женщине – это всегда выигрыш!

– Господи! – с досадой произнесла Наташа. – Чем только люди не тешат себя! Чем только не пытаются ублажить свое пошатнувшееся, между прочим, величие.

– В общении с тобой я готов вообще отказаться от всякого величия.

– Ха! Все готовы! – победно рассмеялась Наташа.

Слава ничего не ответил, но чувствовалось, что последние слова Наташи его задели. Он молча направился к Амоку, сидевшему невдалеке на парапете. Но в последний момент, когда Слава повернулся к ней спиной, Наташа успела погрозить Амоку кулачком – только попробуй, дескать. Вино он взял, что-то произнес, видимо, поблагодарил, но пластмассовый стаканчик поставил на парапет.

– Друзья мои! – вскричал неожиданно Жора, которому не нравились любые обострения в разговоре на голубой скамейке. – Хотите стихи? Свеженькие, только испеченные...

Забыл, как с женщиной общаться

Я в Коктебеле без вина.

Когда же выпили до дна,

То позабыл и попрощаться...

По-моему, очень неплохо... Главное – в тему, тебе не кажется? – спросил он у Андрея вполголоса.

– Новостей нет? – спросил тот.

– Еще не вечер. Нам с тобой нужно заглянуть к одному человеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.